

ДКАРИНА
ЕМИНА

ЛИСА В КУРЯТНИКЕ

МАЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЯ
БОЛЬШОГО ЗАГОВОРА

— Магия, меняющая мир —

Необыкновенная магия. Шедевры Рунета

Карина Демина

Лиса в курятнике

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Демина К.

Лиса в курятнике / К. Демина — «Издательство АСТ»,
2020 — (Необыкновенная магия. Шедевры Рунета)

ISBN 978-5-17-119383-6

Была у Лизаветы семья, и не стало. Были перспективы, да сгинули вместе со смертью любимого батюшки. Остались лишь сестры, тетушка немощная и желание отомстить, которое и привело Лизавету в «Сплетникъ». Газетенка, по мнению общественному, премерзкая, зато популярная в народе. А глас народа, как известно, на многое способен. Вот только начальник Лизаветиных стремлений не разделяет, да и не он один... многим пришлось не по нраву Никанор Справедливый пронырливостью своей. Однако и ему придется попритихнуть, благо иное дело нашлось: вот-вот состоится в Арсийской империи конкурс красоты. И кому как не Лизавете его освещать? Правдиво. И желательно изнутри... главное, в политику не лезть. Лизавета и не собиралась. Оно как-то само вышло.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119383-6

© Демина К., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	44
Глава 9	52
Глава 10	56
Глава 11	62
Глава 12	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Карина Демина

Лиса в курятнике

Глава 1

Алексей, великий князь Гормовский, будущий царь всей Арсийской империи, а ныне единственный наследник трона и надежда всей династии, оттопырил мизинчик и осторожненько ткнул им в бюст княгини. В оправдание его можно было лишь сказать, что бюст этот был на диво привлекателен. Поговаривали, что именно благодаря ему княгиня, собственно, княгиней и стала: выдающиеся достоинства ее затмили разум шестидесятисемилетнего князя, почтенного вдовца и человека строгого нрава.

Увы, нрав перед бюстом не устоял.

А сердце князя, оказавшегося изрядным ревнивцем, не выдержало семейной жизни, остановившись на третий год ее. Наследники, само собой, попытались избавиться от молодой вдовы, но та завязала несколько успешных знакомств, благодаря которым сумела сохранить и часть состояния, и титул.

Да и то поговаривали, что франки весьма щедры к своим... сотрудникам.

– Вы так... впечатляюще! – вздохнула она.

Бюст заколыхался, грозя выйти из атласных берегов декольте. Черная мушка на нем, показалось, подмигнула весьма кокетливо. А вдова тронула рыжеватые волосы – крашенные, ибо на той неделе была она блондинкой, но ровным счетом до того момента, как Лешек обмолвился, что от блондинок устал, – и громко вздохнула:

– Могу ли я рассчитывать на милость великого князя...

И реснички опустила.

Ишь ты, выдрессировали.

– Ах, конечно, можете. Великий князь ко всем милосерден... невзирая на происхождение. – Томная красавица, работавшая на бриттов, не смогла упустить момента.

– И возраст, – отозвалась княгиня, раскрывая веер из страусиных перьев.

Тот затрепетал, и Лешек окатило душной волной парфюма, щедро одобренного приворотными средствами. А это уж ни в какие ворота не лезет. Так что чихнул он весьма искренне и еще более искренне заинтересовался:

– Чем это тут завоняло?

Фыркнула смуглокожая бриттка, которая, между прочим, являлась подданной Арсийской империи и к роду принадлежала древнему, но, по несчастью, обедневшему, чем коварные бритты и воспользовались, смутив разум юной наследницы золотом и обещаниями будущей спокойной жизни в предместьях Лондиниума.

Чем ей Лондиниум глянулся, Лешек не понимал.

Помнил он этот городишко: тесный, грязный и вонючий. Не то что родной Арсинор.

– Это... – княгиня слегка зарозовела, – горничная перестаралась.

– А гоните ее, – посоветовал Лешек и окинул взглядом зал.

Прием шел. И шел себе...

Еще часа два – и можно будет удалиться, не вызвав особых пересудов. А до того... Он бросил тоскливый взгляд на часы и подал руку княгине, вызвав приступ злости у ее соперницы.

– Вы позволите?

Танцевала она для бывшей торговки весьма и весьма неплохо. Правда, слишком часто вздыхала, отчего бюст приходил в волнение, вызывая оное же в кавалерах иных, с которыми приходилось сталкиваться. Вот споткнулся, едва не растянувшись на глянцевого полу, поручик

Ржевин, шею вытянул, разом позабывши про приличия и невесту, которую, собственно говоря, и выгуливал. Вот икнул, подавившись вином, престарелый генерал-майор Визовский, вот две почтенные дамы склонились друг к другу – стало быть, разнесется завтра по городу новая старая сплетня.

– Ах, – княгиня осторожно коснулась щеки наследника, – Лешенька, я так по вам соскучилась, вы не представляете. Без вас мне тоскливо...

Тоску княгини разгоняли двое любовников, но, судя по докладам, держала она их исключительно здоровья ради. И соблюдала притом похвальную осторожность в отличие от соперницы, которая позволила себе чрезмерно увлечься неким чиновником низкого ранга.

– Простите, – отозвался Лешек. – Не мог. Дела... Папенька, знаете ли, работать велел.

– Ах, как жестоко! – почти искренне возмутилась княгиня. – И что вы?

– Работаю.

– Кем?

– Наследником! – Он позволил себе слегка споткнуться и даже наступить на розовую туфельку. Жаль, подолаи платьев укоротили по новой моде, на подолаи наступать всяко сподручней было бы. – Велел придумать развлечение, чтоб для народа... Я ему ярмарку предложил. На ярмарке хорошо...

Правда, после предыдущего покушения самого Лешека на ярмарки не пускали, да и матушка слово взяла, что и он сбегать не станет. Слово пришлось держать, отчего жизнь делалась вовсе уж тоскливой.

– А он?

Княгиня не забывала демонстрировать искреннейший интерес.

– А чего он? Он сказал, что ярмарки, они каждый год приключаются. Надо иное. Чтоб интересное... новое... принципиально.

Самое отвратительное, что именно сейчас Алексей, князь Гормовский, не лгал. Вот что вздумалось батюшке отвлечься от дел иных, куда более серьезных, ради этого? Мол, репутация династии, престиж, влияние на умы и сердца... А Алексею думай, как на эти умы влиять.

С сердцами вместе.

Будто ему мороки с пошлинами на дерево мало – купцы воют, мол, разорятся, если будут возить не рубленое, а доску. Иноземные тоже воют, что разорятся, эту доску по завышенным ценам покупая, дескать, у них своих лесопилок хватает.

Это верно, хватает.

Но и продавать строевой лес по цене щепы совесть не позволяет. И здравый смысл, который Лешек уважал куда больше совести.

А еще соляной промысел, который вдруг оказался не в тех руках. И заговорщики эти, чтоб им икалось всякий раз, как о них Тайный приход подумает.

– Принципиально... – Княгиня призадумалась, на долю мгновенья утратив маску легкомысленной дурочки. А ведь не только бюстом она мужа зацепила, не только. И как это наши-то подобное богатство проглядели? Недорабатывают. Как есть недорабатывают. – А знаете, князь, слышала я, что в прошлом году бритты провели конкурс красоты – сперва на местах, а после уж столичный. И каждая девица, независимо от сословия, могла принять участие.

Конкурс, стало быть?

– А что, – княгиня лукаво улыбнулась, правда, веер открывать не рискнула, – случись мне там побывать, как полагаете, был бы шанс?

– Не шанс, – Лешек покорно устался на резную бархатную мушку, – полагаю, вы бы заслуженно победили.

– Вы мне льстите.

И не только ей, но что подделаешь: положение обязывает.

Тремя часами позже он излагал почти свою, но вполне удачную придумку батюшке.

Милостью Божиею его императорское величество Александр IV, самодержавный властитель всея Арсийской империи, а также земель Ближних и Дальних, островов Венейских и трех морей, слушал, подперши щеку кулаком. Слушал, следовало сказать, превнимательно, пусть и во всей фигуре его наблюдалась некоторая вялость.

– Конкурс красоты, говоришь, – презадумчиво произнес он, зацепившись за волосок на седой бороде, – а это, может статься, весьма перспективно, весьма...

Волосок он выдернул.

Поморщился.

И испепелил тут же.

– Чешется, зараза, – пожаловался Александр IV, прозванный в народе – не без подсказки, само собою, – Блюстителем. – Я уж его просил, чтоб поаккуратней, а все одно чешется.

Седая бородка, аккуратно стриженная, придавала несколько простецкому обличению монарха нужную утонченность, которая, правда, несколько дисгармонировала с лысиной и крупной серьюгой в ухе, из тех, что носит морской народец. Но императору позволительны некоторые малые странности.

Тем паче такому. Престарелому и капризному. А еще больному, иначе для чего держать при дворе целый сонм целителей. Уж не для дамских мигреней, ясное дело.

– Только я подумал, что разделить надо будет. – Лешек вздохнул.

Притомился он.

Приемы и без того сил требовали нечеловеческих, ибо маска так и норовила сползти, а делать сего было нельзя, так еще ныне и княгиня, уловившая неким звериным чутьем своим, что оказалась полезна, вознамерилась развить успех.

Благодарить ее пришлось тут же, в алькове.

– У нас не поймут, если всех в одну кучу... Купчихи с дворянками перегрызутся, а если ненароком победит кто из простых, так и вовсе скандал выйдет.

– Не победит.

Царь запустил всю пятерню в бороду и поскребся, пообещав:

– Сбрею.

– Народ не поймет, – покачал головою наследник и продолжил: – А если не победит, то и того хуже, поползут слухи, что все куплено. Нет, сперва среди аристократов проведем, а купцы уже и сами придут.

С поклоном и беседою, выгодною для обеих сторон. С мастеровыми и иным людом и того проще.

Царь-батюшка смачно потянулся и дозволил:

– Действуй!

А Лешек вздохнул: вот меньше всего ему хотелось с этим конкурсом, от которого пользы никакой, возиться. У него, между прочим, гильдейские мастера поперек горла стоят, требуя исконные привилегии восстановить, не понимая, что в новом мире им не место.

На землях Дальних беспокойно, тукры, сменивши очередного владыку, воспряли и возжелали если не войны победоносной – тут они более-менее здраво собственные силы оценивали, – то хотя бы возрождения древней же традиции набегов на земли соседские. А там только-только спокойно жить начали.

Бритты со своими претензиями по заморским колониям наседают, мол, монополия торговая у них, а что колонии эти в монополиях задыхаются и того и гляди восстанут, так оно ж разве по уму?

Франкам неймется.

Одни австры сидят спокойно, в дружбу играют, но и то с дальним умыслом. У них принцесс с дюжину, придет срок... И ведь придет. И кроме австрийских принцесс, положи руку на сердце, выбрать-то некого, а союз нужен.

Уж больно непрочен мир в империи.

Многие помнят смуту, всколыхнувшую ее пару десятков лет тому.

Идеи крамольные, что разнеслись моровым поветрием... Равенство, братство... Мятежи и мятежников, заставивших царя от престола отречься. Гибель всего царского семейства, а там помимо наследника хилого еще пятеро царевен имелось...

Тогда империю спасло чудо, не иначе.

И вера.

И верность. И люди, многие из которых ныне уже отошли от дел, ибо война силы забирает даже у одаренных. Первей всего у одаренных. А мир... мир всем сперва кажется благом, но к благам привыкают, и вот уж хочется большего.

– Матушку проведай, – велел царь, думая о своем. У него тоже забот хватало. Министры там, советники, каждый из которых на словах за благо империи радуется, а на деле половина франкам продана, а другая – бриттам. А есть и такие, что на всех работать горазды, платили бы побольше. – И дружка своего возьми. Нехай развлечется.

Лешек крепко сомневался, что молочный брат его, наперсник и единственный, пожалуй, помимо родителей человек, которому цесаревич верил, желает таких поручений.

Но с батюшкой спорить...

– И это, посетуй там, что я совсем плох стал, гневлив без меры и вообще тебя женить задумал.

– Что?!

Вот только этого Лешек не хватало.

– Хоть бы что, – передразнил батюшка. – Сам подумай, тут конкурс, а там слух.

Одно к другому. И ведь в чем препоганая сила слухов? Какие бы здравые доводы ни приводились в опровержение – не поможет.

– Но...

– Мальчик мой, – царь прикрыл глаза, – мы оба знаем, что от меня желают избавиться, а вот ты им нужен. Во всяком случае, пока наследник не появится, шапка Мономахова слабую кровь не примет. А стало быть...

Ищи, кому выгодно.

И получалось... получалось, что им с Дмитрием немалое развлечение выпало.

Ее императорское величество, в свои годы сохранившая и статью, и красоту, жаловалась на жизнь. Окруженная двумя дюжинами боярынь, фрейлинами и гофмейстринами, она громко и слезливо причитала, порой заламывала унизанные перстнями ручки, касалась пальчиками напудренного личика.

Вздыхала.

И один раз даже слезу выдавила.

Боярыни слушали. Качали головами, сочувствуя, и перстеньки пересчитывали. А заодно уж подмечали мелочишки нехорошие, навроде нездорового блеска в глазах, бледности кожи и синеватых ногтей.

И уж точно не остались незамеченными три целителя, денно и нощно оберегающие покой императрицы. Вот один одну скляночку подал, и по палатам поплыл характерный сладковатый запах валерианового корня. Вот другой с поклоном поднес кубок, в который черных капель накапал. Вот третий бутылку с пиявками потряс и часы извлек, солидные, луковичкой.

Мол, время для процедур.

И поднялись статс-дамы, подавая знак прочим, что окончена аудиенция.

– Красота, – неискренне сказала императрица, прикрывши очи, – требует жертв.

И взмахом руки боярыnek отпустила.

А сама растянулась в кресле.

– Лешечек, останься с матушкой, – дребезжащий, усталый голос ее был слышен в коридоре, и лишь когда дверь закрылась, императрица вздохнула: – Когда ж это закончится-то?

Она отерла лицо, стирая пудру.

От пиявок отмахнулась, правда, велела на свиньях покормить. А вот валериановые капли выпила: нервы, они небесконечны.

– Представляешь, третьего дня пудру отравленную поднесли, и главное, яд хороший, трехкомпонентный. – Императрица вздохнула с немалым сожалением. – Сработал бы только в контакте с серебром.

Она повернула узенький серебряный перстенок, который носила не снимая.

– У нас такие не варят.

– Кто? – У Лешака в глазах потемнело. Ладно батюшка – что на царя покушаются, это привычно, обыкновенно даже, ибо государство без смутьянов что дворовый кобель без блох.

– Так разве ж выявишь? Подсунули Заточным, но они точно непричастны. Мелкое дворянство. Явились дочку при дворе пристроить. Кстати, довольно смышленная особа. На редкость здравомыслящая и не без толики таланта.

– Мама!

– Что мама? Между прочим, мой отец в твои-то годы трех детей имел.

– Ага, а после еще с дюжину народил, только каждого от другой жены.

Мамину оплеуху цесаревич принял со всею возможной сыновней покорностью.

– Бестолочь...

Лешек вздохнул, признавая истинную правоту матушки: как есть бестолочь. Редкостнейшая. И в извинение он налил вина, не забыв прикоснуться к кубку перстнем. Правда, если яд многокомпонентный...

– Успокойся, – императрица Веревия усмехнулась, – змеевна я али нет? Меня отравить – постараться надобно. Но утомляет, да... А ты с чем явился?

Пришлось рассказывать и стараться, чтоб сие на жалобу не походило.

– Конкурс, стало быть. В этом есть здравый смысл. – Императрица прошлась по комнате, остановилась у окна, правда, открывать ставни, нарушая защитный контур, не стала. – Заодно и приглядишь, вдруг кто по сердцу придется?

– А австры как?

– Никак. Нам с ними связываться особого резону нет. У них свои дрязги. Потребуют поддержки, втянут, а после и виноватыми сделают. Так что лучше уж кого своего взять.

Лешек кивнул: спорить с матушкой, вздумавшей его женить, себе дороже.

– Стало быть, пиши: девицы от восемнадцати до... до двадцати пяти. Старше смысла нет, а моложе – еще дети, в голове пусто, а сердце что море в ветреный день, куда ветер подует, туда и скачет. С даром непременно...

Лешек вытащил из секретера лист.

– Не сговоренные... Ни к чему нам те, кто обещания легко рвет. Разве что сговор распался не менее нежели за три месяца до... Придумаешь, как это красиво подать. Девицы... Проверять девичество будет целитель. Пусть напишут большими буквами, дабы скандалов после не вышло.

Она постучала ноготочком по расписному блюдцу.

– Что еще? С собой хороши, манерам обучены. Норовом мягки. И пусть там уж Митюшенька постарается. У него есть специалисты, которые чего хочешь напишут.

Императрица задумалась.

– А наградой... наградой будет звание первой красавицы Арсийской империи. И в доказательство того – венец драгоценный из моих рук. Той, что второе место, – ожерелье. Ну и за третье – серьги. Так оно интересней будет. Найдете в сокровищнице что-нибудь подходящее. Ах да, и еще напишите, что все три девушки получают место при дворе.

Лешек кивнул.

И кляксу попытался стереть, да не вышло.

– А почерк у тебя по-прежнему отвратительный, – со вздохом констатировала императрица. – И вообще бестолочь ты...

Пусть так. Зато свободная.

Во всяком случае, пока.

Глава 2

Ныне, разложивши снимки по порядку, Лизавета Гнёздина, девица совершенно неприличных для девичества своего двадцати четырех с половиной лет, благородного сословия, вынуждена была признать, что особенно хорошо вышла задница. Оно, конечно, радости с того немного, поелику цензура заднице, пусть и чиновничьей, и снятой не без толики художественного таланту, не обрадуется. Да и не увидит, ибо Соломон Вихстахович при всей низости своей натуры, по мнению многих, обусловленной исключительно принадлежностью к подлому сословию, склонности к эпатажу и любви к деньгам был человеком весьма осторожным. И пусть подцензурному дьяку он исправно кланялся что окороками, что гусями, что обыкновенными конвертиками, которым дьяк радовался куда больше, нежели окорокам с гусями, однако вот...

Нет.

Не напечатает.

А жаль, ибо задница и вправду хороша. Кругленькая, аккуратная, степенная где-то даже. И выразительности в ней куда поболее, чем в ее, так сказать, обладателе. Вон даже любовника своего целует с физией преравнодушнейшей, будто не к живому человеку, но к знамени прикладывается.

Лизавета со вздохом убрала снимочек.

Ничего, ей и прочих довольно.

А уж сударю Бжизикову, коллежскому асессору¹, отмеченному двумя медальками и одним орденом, и тем более хватит.

Она разложила снимки.

Вот первый, который публиковали в свадебной газетенке. Не забыть бы на нее сослаться. Здесь жених, еще в чинах малых состоящий, хмур и несчастен, а вот невеста прехорошенькая.

Беленькая, кучерявенькая.

Губки бантиком.

Бровки треугольничками. На личике – величайшее удивление, будто бы не в состоянии она была понять, как позволила соединить себя со столь скучным типом.

А вот еще один снимочек, из семейного архива.

Пришлось заплатить горничной целых пять рублей, и эта трата до сих пор отзывалась у Лизаветы болью. Но что поделать, месть – дело дорогое. Да и за статью ей заплатят. Заплатят-заплатят, никуда не денутся. А снимочек своих денег стоил.

Сударыня Бжизикова с сыном и супругом, на которого сын похож примерно как скаковой жеребец на старого осла, зато весьма похож на троюродного брата Бжизиковой, человека подлого сословия и невысоких моральных качеств. Подвизался он в личных помощниках некой состоятельной вдовы, за что имел неплохой оклад, который с легкостью спускал за игорным столом.

Мальчик взял от него огромные очи весьма характерного разреза и пепельный оттенок волос.

Лизавета почесала пером кончик носа.

Писать?

Или сами догадаются? Нет, навряд ли. Уж сколько она работает, успела усвоить, что, может, кто и догадается, да вовсе не о том, о чем следовало. Стало быть, легонько, наме-

¹ *Коллежский асессор* – с 1717 по 1917 г. гражданский чин в Русском царстве и в Российской империи, соответствовавший с 24 января 1722 г. 8-му классу Табели о рангах, также давал право на личное дворянство и неплохие перспективы для карьеры. – *Здесь и далее прим. авт.*

ком-с... И снимок счастливого семейства, дабы каждый имел возможность убедиться, что Бжизиков-младший – истинно копия своего отца. Да не того, с которым матушка венчана.

Сделалось немного совестно, все ж व्योноше всего-то пятнадцать...

Но совесть привычно утихла, стоило напомнить, что Марьяшка с Ульянкой и помладше будут. Их-то небось не пожалели.

Гнев нахлынул.

И сгинул.

Дальше что? Тайное любовное гнездышко, снятое в доходном доме некой вдовы Путетиной. Снимок одного дома. В нем, подсказывало чутье, скрывалось немало тайн. Но другие Лизавете были без надобности. Во всяком случае – пока.

Молодой человек, выходящий из кареты. И многоуважаемый чиновник, не удержавшийся и прикоснувшийся губами к розовенькой щечке.

Этот снимок и сам по себе скандальным вышел.

А дальше...

Вдова Путетина отличалась на редкость вздорным нравом, а еще была скупа и подловата, но при всем том искренне удивлялась, отчего ж в доме ее не задерживается прислуга. Сама Лизавета с трудом две недельки вынесла.

Пока выяснила...

Пока ключики подобрала...

Пока кристаллы установила, чтоб вокруг кровати. Ее тоже сняла, отдельно, так сказать, позволяя читателям оценить всю роскошь этого огромного деревянного чудовища, под бархатный покров убранного.

Она вздохнула. И вывела следующую строку.

Ах, до чего кстати пришлось обличительная речь, зачитанная Бжизиковым при открытии новой гимназии. Мол, надобно поддерживать старинные устои и семейные ценности, а не разлагаться морально.

Хорошо, не поленилась, записала пару цитат.

Лизавета была девушкой престарательной. Да и памятью обладала хорошей.

Первый поцелуй, совершенно не допускающий иного толкования. И любовник Бжизикова выглядит просто-таки неприлично юным, хотя ему, Антошке Свердюкову, некогда помощнику приказчика в лавке свейского купца, давно уже исполнилось двадцать годочков.

И в любовники он пошел отнюдь не по принуждению.

Но людям того знать не надобно.

И Лизавета выбрала еще один снимок. Почти приличный, этот, пожалуй, и пропустят. А задница... задница пусть будет, на случай, так сказать, суда, про который ее клиенты кричать горазды.

Да и вообще пригодится.

Она вздохнула, отложила перо. Перечитала статейку, которая получилась весьма неплохой, хотя Соломон Вихстахович вновь ворчать станет, что эмоциональности маловато, и все поправит. Но то уже его заботы. Лизавета же сыпанула на бумагу песок и, дождавшись, когда чернила высохнут, положила статью и снимки в обыкновенный почтовый конверт.

Его убрала в сумку. Вот так...

До встречи с главным редактором и владельцем премерзкой с точки зрения людей приличных газетенки «Сплетникъ» оставалось два часа.

Она все успела. И это хорошо.

Лизавета закрыла глаза: в ее списке осталось лишь два имени. А потом... Она не слишком представляла, что делать дальше, но не сомневалась: что-нибудь да придумает.

Соломон Вихстахович был человеком опытным. Батюшка его, переживший три погрома и одну революцию, частенько повторял:

– Тише живешь, дольше проживешь.

И во всем следовал собственной заповеди, которая, правда, не спасла, когда охочая до крови толпа добралась до кривобокогодомишки, где обретался уездный целитель с семейством.

Матушка, чудом уцелевшая, прожила недолго. А оставшись один, Соломон принял непростое решение. Он продал родительский дом за смешную, к слову, сумму, ибо в городке их понимали положение, в котором оказался шестнадцатилетний юноша, и пользовались оным беззастенчиво. Соломон отправился в столицу, где и начал новую, весьма и весьма насыщенную жизнь. Случилось побывать ему и полотором, и в лакеях походить, правда, недолго, ибо сия роль оказалась куда тяжелее, нежели Моня представлял. Как бы то ни было, однако лихая судьба привела его в некую газетенку, где сперва он исполнял черную работу, а после...

Ложь, чистой воды ложь, что единственную дочь владельца газеты он соблазнил. Нашлись и до него желавшие получить наследство коротким путем, а Монежка... Монежке, может, приглянулась дебеловатая и тихая девица.

Она была пуглива и, обожженная первой неудачной любовью, скромна.

А что еще надобно?

Отцовское благословение? Обошлись и без него. Пару лет, конечно, пришлось тяжело, но Софочка безропотно сносила невзгоды, а Моня... он старался.

Уже за двоих.

А там и за троих. Он с легкостью сменил работу и, имея за плечами хорошее домашнее образование, но не имея такой ненужности, как совесть с приличиями, пошел по газетной стезе. Глаз у него был наметан, нюх острый, а чувство момента, как и другое, более важное, – осторожность, присутствовали в полной мере. Писал он, само собою, под псевдонимом, ибо понимал, что не всякому его статьи придется по нраву, и успел прогреметь по всей столице, пока папенька Софочки спохватился и потребовал предъявить ему блудную дочь вместе с внуком.

Внука он благословил.

На Монежку плюнул, обозвав прохиндеем, но простил, да... и к делу приставил. И после, годиков этак через пять, убедившись, что Монежка не собирается кровиночку обижать, но напротив, души в ней не чаёт, с легким сердцем переписал газетенку на зятя.

– Никогда-то этого дела не любил, – признался он, будучи слегка нетрезв по случаю рождения на свет долгожданной внучки. – Да вот пришлось возиться. Ничего, теперича заживем. Ты вот смотри только, в политику не лезь. Уж больно дело грязное.

Грязное, тут Монежка был всецело согласен. И куда грязнее всех адюльтеров с прочими мелкими грешками, которые в верхах случались, на репортерское счастье, регулярно.

Газету он переименовал и, как модно ныне выражаться, полностью сменил профиль. И пусть прежние конкуренты шипели, что пал Монежка в своей любви к деньгам до невозможности низко, но...

Тиражи росли.

Доходы тоже, к счастью, не падали, позволяя Софочке покупать наряды, а деток возить на моря, ибо очень это полезительная вещь – морской воздух. Да и на прочие мелочи оставалось.

За годы прошедшие Монежка успел утвердиться в новой для себя ипостаси, изучить и дело, и людишек, с которыми он это дело вел, ибо именно от них, как ни странно, зависело Монежкино благосостояние. А еще и судьба газеты, которую многие рады были бы прикрыть, да...

Как бы странно сие ни звучало, но Монежка строго следил, чтобы подопечные его – а вольную газетную братию он полагал именно подопечными – в приливе вдохновения соблюдали и рамки закона, и от правды не слишком отрывались, а то ведь чревато.

И знал он их пречудесно.

И теперь вот, глядя на худенькую девицу в мешковатом платье, слегка мучился совестью, а может, и несварением.

– А, Лисонька, – сказал он, дверь прикрывши. И камешек достал особый, который в столе держал для разговоров приватных. Что поделать, ежели братия тут прелюбопытная и с фантазией... приходится изворачиваться. – Несказанно рад видеть вас. Чем старика потешите?

На стол лег копеечный конверт из рыхлой ноздреватой бумаги.

Его Лизавета пальчиком подвинула и потупилась, скромницу играя. Выходило у нее не особо, как и у собственной Мониной младшенькой, пусть голову и склонила, но взгляд-то, взгляда не спрячешь.

– Превосходно, просто чудесно... – Он пробежался взглядом по статейке, придерживая обычное свое замечание. Пусть себе, найдется кому поправить, сделать душевней, понятней для простого народу, который на «Сплетникъ» тратиться готов. Текст-то отредактировать большого ума не надобно, а содержание... ох, горячее, и главное, писано-то так, что законнику прикормленному лишь слезу умиления смахнуть останется.

Никаких прямых обвинений, которые фактами не подтверждены.

Никакого политического подтекста.

Одна лишь обыкновенная история чиновничьей жизни. А почему бы и нет? «Обыкновенная история»... Отличнейшее названьице. Монежка сделал себе пометку и, вытащив кошель, протянул Лизавете. Ах ты, золотая его девочка.

Обидно будет, если откажется... испугается...

Впрочем, пугливой Лизавета не была. Пугливые не лезут в дела столь сомнительного свойства, а что писала она сама, в том Монежка не сомневался. Другим пусть сказки рассказывает о таинственном Никаноре Справедливом, народном защитнике и разоблачителе, герое и любителе подглядывать в замочные скважины.

– Лисонька, – Монежка решился, хотя решение далось ему нелегко, – я понимаю, что вы у нас девушка безмерно талантливая, потому и хочу предложить вам одно дело.

– Мне?

Хлопнули рыжие ресницы.

А веснушки побледнели.

Испугалась?

Если и так, то ненадолго.

– Вам, Лисонька, вам. Мы... как бы это выразиться, давно с вами сотрудничаем...

С того самого первого дня, когда в редакцию явилась худенькая девица в дрянном платье и потребовала немедля принять ее в штат.

Монежка на девицу поглядел.

И принял.

А что, о цветочных выставках и собачках тоже кому-то писать надобно, раз уж прочая братия, избалованная свободой, полагала сие оскорбительным. Девицы не бывают репортерами?

Окститесь, может, и не бывают, но куда еще сиротке податься?

В гувернантки?

Не с ее происхождением. И не с ее характером.

А тут... Девица оказалась ответственной, выставки посещала, собачек разглядывала. Порой писала в рубрику дамских советов, причем делала сие бойко, без лишнего занудства. Ей же чуть позже поручили вычитку статей, ибо не все в редакции обладали должной грамотой, а

заодно и разбор корреспонденции. Однако Монечка не удивился, когда спустя полгода девица принесла серый конверт и робко поинтересовалась:

– Глянете?

Монечка глянул и зажмурился. Нет, «Сплетникъ» имел определенную репутацию и случилось ему писывать о всяком, но вот подобное случилось редко.

Помнится, история некоего чиновника, который вел прием приглянувшихся девиц на своей квартире, обещая по результатам положительное решение вопроса, много шуму наделала. И тогда снимки, иные весьма откровенного свойства, изъяла жандармерия для разбирательства. И она весьма интересовалась настоящим именем Никанора Справедливого, однако...

Лизавета моргала.

Вздыхала.

И каялась, мол, был у нее знакомец старинный, который очень к несправедливости неравнодушен, вот он и присылает ей стенограммы со снимками. Она же лишь пишет, оформляет должным образом, а ей за то платят. Немного. Пятьдесят копеек за страницу.

Ей поверили.

Но не Монечка, нет. Он, конечно, подыграл, потому как чуял, что историйка, поднявшая тираж едва ли не вдвое, первая ласточка. А потому к чему смущать девочку неудобными догадками? Премию он ей выплатил чин чином, пусть и из собственного кармана, а заодно уж сказал, что когда ее знакомец вновь справедливость учинять решит, то пусть обращается без стеснения.

И не ошибся.

Лизавета поерзала, вцепившись в ридикюль. А он почесал лысинку и произнес:

– Лисонька, душенька моя светлая, мы с вами не один год друг друга знаем, а потому вы можете быть спокойны. – Монечка вытащил из стола белый круглый камень, а заодно и коробку с освященной иконой. – Кровью своей клянусь, что не выдам вашу тайну, и бумаги подпишем, само собой.

Она напряглась.

А Монечка уколол палец иглой и к камню прижал.

– Я...

– Вы пишете, и пишете хорошо, – махнул он рукой, – и я вовсе не про ежегодную выставку георгинов говорю, хотя, конечно, ваша правда, как-то это подозрительно, что первое место из года в год занимает сад главы попечительского совета. Однако это мелочи-с...

Глава 3

Лизавета вздохнула.

Мелочи? Знал бы он, какие страсти кипят на этой выставке! Как же, первая лента значит не только почет, но и контракт с городом на поставку цветов.

Казенные деньги сладки.

А средства хороши все. Вот и травят друг другу цветы что ядами, что магией. Вот и изыскивают способы обойти условия магического вмешательства при росте. Подкупают судей. Учиняют истерики. Чудо, что еще до убийства дело не доходит.

В прошлом году, помнится, одна престарелая княгиня, весьма рассчитывавшая поразить комиссию необычным небесным цветом своих георгинов, не чинясь, вцепилась в волосы другой престарелой княгине, которая якобы эти самые небесные цветы загубила. Тогда статейка вышла живой.

Ныне аристократия вела себя с поразительным спокойствием, хотя магией все одно пользовались. Лизавете ли не слышать ее отголоски, и оттого престранно было, что услышала их лишь она одна.

Но да, не о георгинах речь.

– Я многое успел о вас узнать, Лисонька. Еще с той первой статьи... – Глаза Соломона Вихстаховича были светлы и поразительно безмятежны. – Вы сирота... круглая... с двумя сестрами на попечении. Живете в домике двоюродной тетушки, особы весьма сердобольной в силу одиночества, но здоровьем тяжелой... сестер вы любите, аки и тетку, тратитесь на целителей, хотя подобные траты весьма болезненно отзываются на вашей семье.

– Предлагаете дать ей умереть? – Таких разговоров Лизавета не любила.

Подымалась в груди знакомая глухая ярость.

– Отнюдь. Вам двадцать четыре...

– Почти двадцать пять.

– Вы не замужем.

– Не берут. – Вот не нравился ей нынешний разговор. Совершенно не нравился.

Но Соломон Вихстахович рученькой махнул и продолжил:

– Вы проучились три года в Арсийском имени его императорского величества Николая II университете и были весьма на неплохом счету. Какая специализация? Прикладная флористика? Вам прочили светлое будущее, поскольку пусть дар ваш не так уж и ярок, но голова... голова, Лисонька, она куда важнее силы.

О да, ей это уже говорили.

И даже стипендию предлагали в три рубля ежемесячно. На три рубля она бы прожила... одна... как-нибудь... Но вот что стало бы с сестрами?

Тетушка бы не справилась. Она уже тогда...

– О вас до сих пор вспоминают с сожалением и, если случится вернуться, примут с радостью.

Вернуться?

Об этом Лизавета запретила себе думать. Некуда возвращаться. Да и незачем. Она нашла свое место в жизни, плохое или хорошее – как знать? Главное, она привыкла и, чего уж говорить, ее работа ей нравилась.

– Но о том вы, полагаю, не думаете, хотя зря. – Соломон Вихстахович сложил снимочки в конверт, а статейку перечитал еще раз. – Вам было девятнадцать, когда ваш батюшка преставился. После это назвали несчастным случаем.

– Назвали, – эхом откликнулась Лизавета.

Потому что иначе надо было бы судить ублюдка, который в пьяном дурмане магией баловаться начал. А что стационарный защитный амулет против родовой-то силы?

Отца хоронили в закрытом гробу.

И матушка не плакала.

Она стояла, держала Лизавету за руку и не плакала. А после вернулась, легла и закрыла глаза, тело не удержало раненую душу, и... Вторые похороны прошли легче первых.

– Хуже, что вашему батюшке не хватило выслуги...

Трех дней.

Всего трех дней.

– ...Потому как на Севере, где ваше семейство жило ранее, он не был оформлен должным образом...

На Севере многие значатся вольными охотниками, потому как ведомство мест не имеет, а порядок блюсти надо. Сейчас, поговаривали, многое изменилось, но тогда...

– ...И вас с сестрами выставили из квартиры. А заодно уж пенсию по утрате кормильца вы получаете в неполном объеме...

Пять рублей вместо двадцати пяти. «И будьте благодарны, девушка, что я вошел в ваше положение. Это дело слишком спорно, многим кажется, что ваш отец значительно превысил полномочия, и если откроют следствие...»

– Вам повезло, что у вас нашлась старшая родственница, иначе ваших сестер отправили бы в приют. – Соломон Вихстахович протянул платочек.

– Зачем...

Она приняла.

– Зачем вы...

– Затем, чтобы вы, заигравшись, не решили, что слишком умны, что никто-то ничего не поймет. У вас много врагов, Лисонька. И познайся кто... – Он выразительно замолчал.

О да, воображением, что бы там ни говорили, Лизавета обладала преизряднейшим, а потому сглотнула. Она ведь и вправду... В первый раз, конечно, боялась, да что там боялась – бессонницу заработала, все вслушивалась, не поднимается ли кто по старой скрипучей лестнице. Не останавливается ли, спрашивая про Лизавету. Не...

А после страх ослаб. Помогли ли тетушкины капли, которые Лизавета таскала тайком, либо же сама собой успокоилась, но во второй раз было легче, а там как-то вовсе попривыклось. Более того, появился престранный кураж.

– Вот-вот. – Соломон Вихстахович покачал крупной своею головой. Из-за обширной лысины, выставившей на всеобщее обозрение неровную, бугристую какую-то поверхность черепа, смуглой кожей обтянутого, эта голова гляделась еще крупнее обычного, что странным делом внушало подчиненным уважение. Мол, раз голова велика, то и разума в ней изрядно будет. С последним утверждением Лизавета могла бы поспорить, но, помилуйте, кто в здравом уме будет спорить с барышнею?

– С того все и начинается... Головокружение от успехов. – Соломон Вихстахович сцепил на груди пухлые пальчики. Пальчики были малы и аккуратны, а грудь необъятна, и жилет в тонкую полосочку облегал ее столь плотно, что, казалось, того и гляди треснет. – Ваши статьи, безусловно, преталантливые... и весьма необходимые, ибо и властям стоит напоминать, что они далеко не всеведущи. Но главное, они взволновали общественность. А с нею и некие конторы, привлекать внимание которых себе дороже.

О конторах, упоминать которые вслух считалось признаком крайне дурного тона, особенно среди газетной братии, по душевному складу всегда пребывавшей к оным конторам в оппозиции, Лизавета как-то и не подумала.

Но она же...

Да, иногда приходилось нарушать закон. По малости. Где взятку дать, где чужим именем представиться, дабы место получить, где установить кристаллы фиксации без дозволения, но, право слово, прегрешения сии были малы и совершенно незначительны по сравнению...

А будут ли сравнивать?

– Прошлым разом за редакцией два месяца наблюдали... не бледнейте, вы тогда аккурат, – Соломон Вихстахович постучал по конверту пальчиком, – открытием модного дома заниматься изволили, после вовсе в отпуск ушли, а потому на глаза не попадались. И, на счастье ваше, ищут мужчину...

Он чуть закашлялся, а Лизавета кивнула.

Мужчину.

Конечно, разве ж женщина способна на этакое? Наблюдать. Следить и выслеживать. Ковыряться в мусоре чужих жизней, выискивая намеки на... Неважно.

И разве женщина способна писать о чем-то помимо шляпок? Или вот того самого модного дома, в котором Лизавете случилось побывать. Ах, кто бы знал, какие бои кипят среди кружев и атласов! Но разве ж сие кому интересно!

– Но сейчас... не хотелось бы вас пугать, однако госпожа Бжизикова не так давно сделала весьма примечательный заказ у Апраксиной. – Соломон Вихстахович, редко покидая кабинет, непостижимым образом умел оставаться в курсе всех мало-мальски важных слухов. И более того, делая из оных слухов удивительные выводы, редко ошибался. – А сами знаете, ее шляпный салон...

Открывает двери лишь для избранных, тех, кто способен выложить сто двадцать рублей за простенькую шляпку.

Доход у Бжизикова, конечно, имелся, но вот чтобы такой... Хотя, может, женщина нашла себе любовника состоятельного? Все ж о супружеской верности в этой семье речи не шло.

– И потому, полагаю, слухи, что в самом скором времени господина Бжизикова ждало повышение, не лишены основания.

Повышение?

Для этого? Хотя, конечно, с точки зрения властей Бжизиков был удобен: спокоен, относительно честен, взятки и то он брал редко – то ли из страха, то ли стеснясь.

Лизавета вздохнула.

– Более того, есть основания предположить, что повысили бы его не просто так, а по личному пожеланию князя Навойского.

Лизавета прикрыла глаза.

Если так...

Это ощущение оглушающей беспомощности было хорошо ей известно. Более того, оно казалось всецело изжитым. А поди ж ты, вернулось вместе со слабостью в руках, позорной дрожью в коленях и слезами, что навернулись на глаза. Моргни – и прольются, полетят по щекам этаким ярчайшим признаком женской слабости и полной ее, Лизаветы, никчемности.

– Буде вам, дорогая, – с упреком произнес Соломон Вихстахович, платочек прокуренный протянув. – Это слухи, и только. А даже если нет, то у властей свой интерес, а у нас, как говорится, свой. И в завтрашний выпуск, вечерний полагаю, вставить успеем. Однако же вам, Лисонька, придется...

– В-выставкой г-георгинов заняться? – У Лизаветы все же получилось не расплакаться. Стоило ли благодарить за это платок, от которого терпко пахло табаком и мятными конфетами, которыми Соломон Вихстахович заедал горькие сигарки, или же собственную выдержку, она не знала.

– Выставкой? Ах, помилуйте, кому они ныне интересны? Есть дельце иное. Скажите, вам ведь титул отошел?

– Титул? – Лизавета моргнула.

– Титул, – повторил Соломон Вихстахович. – Вашей бабушки. Помнится, она баронессой была.

– Мы не были знакомы.

– Конечно, не были. Ваша матушка, помнится, изволила покинуть отчий дом в некоторой спешке, тем самым расстроив помолвку. А после и вовсе вышла замуж за человека крайне неподходящего, чем весьма огорчила вашу бабушку.

Про старуху Лизавета знала лишь, что та в принципе существовала.

– Полагаю, отношения между ними окончательно испортились. Однако после смерти вашей бабушки...

Скончалась она через месяц после матери.

– ...вам достался титул.

А остальное имущество, к слову весьма немалое, отошло храму. И ладно бы дом, на него Лизавета не стала бы претендовать, как и на поместье, и на прядильную мануфактуру, но... Она написала письмо. Наступила гордости на горло и написала треклятое письмо, прося выделить малую сумму на содержание сестер. Что такое сто рублей, когда храму отошла без малого сотня тысяч?

Ей же ответили.

Любезно так. Мол, сочувствуем вам в вашем горе, однако же не смеем нарушить волю покойной, а потому обойдитесь благословением, и если уж совсем тягостно станет, то двери монастырей всегда открыты для новых трудниц.

Сволочи.

Небось, если бы бабушка и титул могла храму передать, она бы так и сделала. Однако...

– С юридической точки зрения вы, безусловно, баронесса.

– И что?

– А то, дорогая... – Соломон Вихстахович извлек из ящика стола еще одну бумажку. – Извольте ознакомиться. Это появится в утрешних газетах. Во всех утрешних газетах.

Лизавета пробежалась взглядом по тексту.

Серьезно?

Конкурс красоты? Общеимперский. И приглашаются все девицы благородного сословия в возрасте...

– Вы... – она все же, несмотря на волнение, была сообразительна, – хотите, чтобы я...

– Хочу, Лисонька. И не просто хочу. Я прямо-таки жажду. – Соломон Вихстахович извлек из кармана жилета крупные часы. – Сами посудите, этакое мероприятие – благостное... и с немалым профитом. Для многих особ сие будет единственным шансом не только оказаться при дворе, где может, как понимаете, произойти всякое, но поговаривают, что его императорское высочество вошел в тот несчастливый возраст, который именуют брачным.

Лизавета сглотнула.

Вот во дворец ей хотелось меньше всего.

– А подходящей невесты во всей Европе не сыскалось. Вот и решил обратить высочайший взор на красавиц земли родной.

Соломон Вихстахович замолчал. Правда, ненадолго.

– Но это, дорогая моя, слухи, и только слухи. Правда, вам ли не знать, сколь живучи они бывают. Так что, чую, будет интересно.

– Меня не допустят.

Лизавета давно уж не отличалась прежней наивностью.

– Отчего ж? Вам двадцати пяти нет. Титул имеется, дар тоже. Девичество свое...

Лизавета густо покраснела.

– ...вы, смею надеяться, не утратили.

– Но вы же понимаете...

– Я понимаю, что власти желают показать себя с наилучшей стороны, а то в последнее время как-то чересчур уж много расплодилось нехороших слухов. И за конкурсом, который проводится под патронажем ее императорского величества, будут наблюдать весьма пристально. А потому отказать вам в первом туре не посмеют. Что до остального, то всецело уповаю на ваш ум.

Льстить Соломон Вихстахович умел и любил, здраво полагая, что куда большего от человека можно добиться словами лести, нежели угрозами.

– И способности, которые вы явили в прочих делах. Главное, Лизавета, в политику не суньтесь, грязь там преизряднейшая. А вот скандалы, как понимаете, публику нашу заинтересуют.

А скандалы будут.

Если уж выставка несчастных георгинов не обошлась без оных, что говорить об этом конкурсе? Лизавета сглотнула. Отказаться? Соломон Вихстахович не выдаст. Отправит куда-нибудь, в творческую командировку например, но не выдаст... Пересидеть, а там и вовсе заняться делом иным.

Каким?

Лизавета не знала.

Пока.

Она подвинула листочек поближе.

– Нужен будет приличный гардероб.

– Этим займется модный дом Ламановой, – отмахнулся Соломон Вихстахович. – Особое распоряжение. Все ж там, – он ткнул пальцем в потолок, – понимают, что возможности у людей разные, и не желают превращать конкурс в демонстрацию чьего-то семейного состояния.

– И что от меня потребуется?

– Ничего особенного, деточка. Смотреть, примечать. Писать. Тем, полагаю, будет преизрядно. Я дам вам почтовую шкатулку. И подумайте вот еще над чем, Лисонька. Газетчиком быть, оно, конечно, преинтереснейшее занятие, но все ж...

– Не женское?

– Небезопасное. Вам ли рассказывать, что порой с нашими утворяют. А вы все ж девица, вам ли в этой грязи ковыряться? А там... поосмотритесь, глядишь, и найдете себе новое занятие.

– Или жениха, – мрачно произнесла Лизавета.

– Или жениха, тоже неплохо. Там ведь соберутся многие, да... Раз уж цесаревич желание изъявил расстаться с вольною жизнью, то и другие найдутся.

В полупрозрачных глазах Соломона Вихстаховича виделось Лизавете плохо скрываемое сочувствие. Правда, с чего бы ей сочувствовать, когда с долгами она, почитай, расплатилась. И конечно, если бы еще заработать на учебу... Дар у сестер имелся, не чета Лизаветиному, вот только одного дара маловато. Небось места, государством оплаченные, на годы вперед расписаны.

На столе появился плотный кошель.

– Если согласитесь, я вам двести рублей выплачу. Авансом, так сказать. – Соломон Вихстахович кошель подвинул к Лизавете. – Кажется, этого хватит на первоначальный взнос?

И все-то он о ней знает. И это неприятно.

Однако двести рублей... Год обучения стоит почти пятьсот, а заем девице не дадут без мужского поручительства или имущества. Их же квартира, купленная тетушкиным супругом покойным, едва ли на пять сотен потянет.

Для Ульянки хватило бы. Есть еще кое-что, накопленное. И если пойти не в банк...

– Коль вас примут, а я надеюсь, дорогая, что вас все ж примут, я заплачу еще триста. Пройдете первый тур, передам вашей тетушке пятьсот.

Два года для Марьяшки.

И этого хватит, чтобы после претендовать на стипендию государственную или хотя бы малую подработку найти. Небось целителям с подработкой проще, нежели флористам-недочкам.

– Пройдете два, получите еще пятьсот. И учтите, что все конкурсантки, добравшиеся до финала, получают ценные призы из рук ее величества, а вам ли рассказывать, сколько будет стоить подобный знак внимания в денежном, так сказать, эквиваленте.

Лизавета закрыла глаза.

Если так... Она ведь не будет делать ничего дурного, и в политику не полезет, и...

– А вам, – сглотнув, Лизавета решилась-таки задать вопрос, – какая с того выгода?

– Обыкновенная. – Соломон Вихстахович вопрос сей понимал, как и Лизаветины суматошные мысли, и всю ее видел, как она есть, вместе с искушениями, сомнениями и неуверенностью, которую Лизавета тщательно скрывала, притворяясь кем-то совершенно иным. – С одного проданного номера я имею копейку прибыли. Обычно номеров продаю двести тысяч.

Это... это получается, с одного выпуска Соломон Вихстахович имеет почти две тысячи рублей? Если Лизавета верно посчитала.

А номера выходят через день.

И если так...

– Полагаю, что в ближайшем будущем тема конкурса станет самой главной, а потому на хорошем материале продажи можно поднять вдвое, если не втрое.

Лизавета прикрыла глаза.

И это получается... А она своим сорока рублям радовалась!

– И за каждую статью сто рублей. Коль сильно интересная, то и двести, – великодушно предложил Соломон Вихстахович. – Подумайте, Лизавета, всего-то какой-то месяцок, и вы разрешите многие свои проблемы.

Лизавета подумала.

Еще раз подумала.

Вздыхнула – и согласилась. Видит Бог, она сочинять не станет, а напишет как оно есть. Хотелось бы знать, как оно вообще будет...

Глава 4

Доверенное лицо, приятель и молочный брат его императорского высочества цесаревича Алексея Дмитрий, князь Навойский, предавался меланхолии, причем делал сие с немалым удобством. Он занял креслице, обитое красною лайковой кожей, в которой утонули золотые гвоздики, возложил ноги на стол, инкрустированный перламутром и янтарем, но хотя бы сапоги снял, а потому имел редчайшую возможность полюбоваться собственными носками.

Левый был зелен.

Правый полосат, причем синяя полоска в нем чередовалась с желтой, а на пятке полосы закручивались спиралькой, что придавало носку вид вовсе уж вызывающий. Над большим пальцем появилась дырочка, в которую оный палец стыдливо выглядывал.

В руках князь держал трубку, которую, правда, не курил, а так, пожевывал мундштук.

Следовало заметить, что нынешнее состояние было нехарактерно для обычно живого и, по мнению многих, чересчур уж живого человека. Он, пребывавший в вечном движении, ныне казался куда более тусклым и невзрачным, нежели обычно. Князь вздохнул и, потянувшись, поднял со стола премерзкую газетенку, испортившую не только утро, но и весь последний месяц работы.

Он щелкнул пальцами, выпуская язычок огня, и с немалым наслаждением подпалил угол. Желтоватая дешевая бумага вспыхнула моментально. Черное пятно расплзлось, сжирая и строки статейки – следовало сказать, весьма убедительной, – и испорченные низкого качества типографией, но все ж узнаваемые лица...

– Страдаешь? – Дверь отворилась без стука, и в кабинете запахло кофеом.

– А то...

Князь перехватил газетку за уголок и сунул в графин с водой. Графин вообще-то поставлен был для нужд посетителей, которые через одного отличались слабым здоровьем и повышенной нервозностью. То ли в кабинете было дело, то ли в самом князе, то ли в конторе его, славу определенную сыскавшей, однако графин частенько приходилось использовать.

Цесаревич поднял очередной выпуск «Сплетника» – подчиненные, зная норы и трепетное отношение начальства к сей газетенке, благоразумно приобретали сразу пачку – и, скрутивши трубочкой, стукнул князя по макушке.

Тот лишь поморщился.

– Я ночей не спал...

– Не ты один. – Цесаревич уселся на стол, проигнорировавши креслице для посетителей – а и верно, вид оно имело премрачнейший, ибо сбито было из толстого бруса, покрашенного явно наспех бурою краской, и тем навевало весьма печальные мысли о местах не столь отдаленных.

– Думаешь, легко среди всей этой кодлы отыскать человека хоть сколько бы то ни было порядочного? – Князь пошевелил пальцем ноги, который от этого движения взял и вовсе выскользнул в дырку. – А чтоб еще и не полный дурак...

Цесаревич вздохнул.

– И кого мне теперь на его место ставить? – спросил князь.

– А его и поставь. – Цесаревич вновь шлепнул князя газеткою по лбу, но теперь тот высочайшего самоуправства терпеть не стал, отмахнулся. – А что? Эти дела у нас, чай, не под запретом... полюбовница, любовник... какая разница? Лишь бы казне не в ущерб.

Казна-то в данном случае не пострадала, оно и верно, ибо любовника – редчайший случай – Бжизиков содержал за собственные деньги, но...

– Не выйдет. – Про этот вариант князь и сам думал. – Какой из него теперь... в лицо смеяться станут, а про уважение и вовсе забыть можно.

Он потянулся и кое-как запихал палец в носок. Оглядел оба. Вновь вздохнул, пригрозивши:

– Выгоню.

– Кого? – поинтересовался цесаревич, которого занимали проблемы иные, казавшиеся ему куда более важными.

Вот кто бы сказал, с чего бы купеческая гильдия вдруг стала этакой сговорчивой? И пошлины повысить согласилась без спора, и вложиться в строительство новой железной дороги, которая шла бы через всю Сибирь... нет, дорога – затея выгодная, и большею частью в гильдии не дураки сидят, понимают, что тамошние земли изрядно богаты что мягкой рухлядью драгоценной, что деревом, что металлами, а может, еще чем неизведанным. Заселены-то они мало, освоены и того меньше, уж больно суровы тамошние зимы.

Маги-погодники с ними и то справиться не способны.

Дорога многие проблемы решит, а уж выгоды в далекой перспективе и вовсе сулит немалые. И понимают, шельмы, понимают... и все ж не в характере купеческом вот так просто взять и уступить, без раскланиваний, без драных бород и уверений в скором разорении, которое всему миру грозит, коль государю в малой просьбе его почтенные люди уступят.

А еще девицы были, которых во дворце стало как-то слишком уж много.

– Всех выгоню. – Князь наклонился за обувкой. – И тех, кто это вот... – в газетенку он ткнул мизинчиком, – проворонил. Это, если подумать, неплохой рычаг давления. Почему пропустили? Ведь проверяли. Я не могу человека в министерство путей сообщения рекомендовать, когда он непроверенный, а значит, должны были найти...

И сообщить.

А там уж, глядишь, и состоялась бы приватного характера беседа, в которой Бжизикову разъяснили бы, что, конечно, приватность жизни – дело хорошее, но тогда надобно, чтоб она приватность совсем уж полной была. Ибо найдется немало желающих воспользоваться столь откровенной слабостью человека чиновного.

– А они промолчали – ни слова, ни словечка... или хочешь сказать, мои людишки работают хуже, чем этот репортеришка?

Во гневе князь становился... забавен.

Впрочем, так сказать мог бы лишь цесаревич, люди прочие, знакомые со вспыльчивым норовом князя Навойского куда как похуже, отчего-то в подобные моменты терялись.

Бледнели.

Краснели.

Хватались за сердце... все ж с репутацией у князя было так себе, и не сказать, чтобы вовсе беспричинно.

– Вот. – Князь скомкал очередную газетенку, а бумажный шар отправил прямым в мусорную корзину. – Стало быть, что? Стало быть, не просто так проворонили и уже не в первый раз... Ничего, вот найду...

– Кого? – уточнил цесаревич.

– Всех найду.

– И наградишь.

– А то... еще как награжу... – Глаза князя нехорошо блеснули. – Никто не уйдет обиженным...

Заявку на участие в конкурсе Лизавета подавала с тайной надеждой, что она заявка вовсе рассмотрена не будет. В конце концов, возраст ее давно уж далек от девичьего, а титул и вовсе происхождение имеет пресомнительного свойства. А потому вся затея, безусловно, заманчивая – деньги, как ни крути, нужны, – рискует остаться невоплощенной. И если уж на то пошло, Лизавета с куда большею охотой устроилась бы в прислуги дворцовые.

Однако, к преогромному Лизаветы удивлению, ее пригласили.

На беседу.

А стало быть...

Простое платьице в тонкую полоску, перешитое из маменькиного, благо шить тетушка умела изрядно, а полоска ныне вновь вошла в моду, как и крохотные, перламутром отделанные пуговички, ставшие единственным украшением одного платья.

– Ох, Лизка. – Тетушка самолично расправила складочки и головой покачала. – Опять ты непотребное задумала.

– Почему непотребное?

Непотребной свою работу Лизавета как раз не считала. Она ж писала правду, и только правду, а что эта правда столь неприглядна получалась, так... не Лизаветы же в том, право слово, вина!

– Вышла бы ты замуж, – вновь вздохнула тетушка.

Лизавета, может, и вышла бы, да за кого?

Нельзя в деле столь серьезном и вправду всерьез рассматривать кандидатуру Фомы Ильича, почтенного купца второй гильдии пятидесяти трех лет от роду, дважды овдовевшего, причем при обстоятельствах, по мнению Лизаветы, весьма подозрительного толку.

И да, Фома Ильич был весьма состоятелен и намекал изволил, что, ставши его супругой, Лизавета ни в чем нужды знать не будет, да только не в одних деньгах счастье. Как-то не хотелось Лизавете остаток дней провести в отдаленном поместье, где Фома Ильич и хозяин, и царь, и жрец, и все-то в полной его власти. А властвовать он привык, да...

Помнится, того мальчишку-газетчика, которому вздумалось перед почтенным купцом дорогу перебежать, от души плетью перетянул не задумываясь и дурного в том не видел.

Лизавета покачала головой.

Уж лучше в старых девах, чем этакий муженек.

Жаль, всецело отвалить Фому Ильича не выходило. Он, здраво рассудивши, что коль не одна сестрица, так другая созреет, а там и третья...

Лизавета поправила ленты на шляпке.

Ридикюль подхватила.

Маменькин, выходной, а потому и вид сохранивший. А что уголки слегка пообтерлись, так ныне оно тоже премодно, вон писали, что некоторые дамы самолично ветошью уголки кожаных ридикюлей обтирают, дабы соответствовать.

Из дома Лизавета выходила с беспокойным сердцем.

Одно дело – охота, там оно как-то все иначе, а ныне... день ясный, солнечный. Дамы при зонтиках, кавалеры с тросточками, девицы юные хихикают, малышня у витрин толпится, на крендели сахарные глаза. Позевывает городской, но взгляд его хмур, цепок. Скользит по публике почтенной, выискивая того, кто оной публике помешать способен. И рученька этак на сабле возлежит, показывая готовность защищать покой общественный любой ценой.

Городовому Лизавета улыбнулась. И он, взбодрившись, оторвал руку от сабельки, провел по пышным усам.

Пролетку получилось взять сразу.

И Лизавета поморщилась: точно рубль запросит. Но Соломон Вихстахович обещался всецело компенсировать расходы, а стало быть...

– В Мясников переулочек давай, – велела она.

– Ко Вдовьему дому, что ль? Конкурсантка? – Извозчик кривовато усмехнулся. – Ишь...

Хотел он, человек вида явно простого, добавить пару слов иных, да сдержался: а ну как возьмет барынька и нажалуется. Вона, начальство и без того спит да видит, как выпереть Гришку с белых кварталов на окраины, только повода он не дает.

И не даст.

Гришка отвернулся, свистнул, лошадку погоняя.

И полетела та, понеслась, голубей распугивая...

Вдовый дом некогда числился резиденцией советника Сельпина, того самого, который земельную реформу провел и народец заложный из крепости вывел. За что, как водится, и пострадал: проклятье, оно не разбирает чинов и званий, защиту пробило – и осталась от человека горсточка пепла. Правда, случилось сие без малого сотню лет тому, но память человеческая на этикие штуки дюже крепка. Дом, во дворе которого случилась волшба, моментально прозвали проклятым, и скорая смерть вдовы, дюже, по слухам, мужа любившей, лишь укрепила народишко во мнении.

А потому удивительно ли, что наследники от опасного наследства поспешили избавиться, передавши дом сперва в крепкие руки состоятельного купца, который не то чтобы в проклятия не верил, просто полагал, что состояние его позволит нанять наилучших специалистов.

Состояние позволило.

Дом почистили, о чем выдали соответствующую бумагу, скрепленную ажно четырьмя печатями. Но то ли лгали, то ли судьба так сложилась, года не прошло, как купец преставился.

Сердце не выдюжило.

Нет, смерть сию расследовали весьма обстоятельно, однако ничего-то не нашли. А купеческая вдова поспешила дом продать. И так переходил он из рук в руки, теряя в цене, зато обрастая новою дурною славой. Сказывали, что в подвалах его и крысы не селятся, а они твари дюже разумные.

В разумность крыс Лизавета не слишком верила, но к громадине Вдовьего дома – в миру он ныне именовался реальной женской гимназией госпожи Игерьиной – отнеслась с некоторой опаской. Огромное мрачное строение, которое вечно будто бы находилось в тени. Сложенное из желтого кирпича, оно, удивительнейшее дело, смотрелось черным. И черноту эту не способны были развеять ни зелень бриттского газона, ни белизна мраморных скульптур, сработанных под антику, однако же отличавшихся от оригиналов куда большей степенью одетости.

Цвели розы.

Кружили над розами пчелы, и все же...

Мраморная лестница... взгляд в спину, внимательный такой, настороженный. Лизавета оглянулась. Никого и ничего, пролетка и та убралась.

Она вздохнула и, прижавши ридикюль к животу – от волнения, не иначе, в оном началось вовсе неприличное бурчание, – решительно ступила на мраморную ступеньку.

Ничего не случилось.

Ни грома, ни молнии, ни иных божественных знамений, предупреждающих Лизавету о совершаемой ошибке. Мраморные львы и те не ожили, так и продолжали греть на солнышке пыльные бока. За тяжелой дверью обнаружился темноватый холл, в котором белым пятном выделялся портрет его императорского величества, причем белел парадный мундир, а лицо словно бы стерлось.

Жуть.

Лизавета огляделась.

И дальше куда? Впрочем, затруднения ее разрешились: из полутьмы выступила девица в сером гимназическом платье.

Белый воротничок. Черный передник с карманами. Пухлые губки и взгляд, преисполненный холодного презрения, будто само свое нахождение здесь в этот час девица полагала унизительным.

– Вас ожидают, – сказала она, лишь бросив взгляд на конверт. Куда большего внимания удостоилась сама Лизавета. И показалось, что девица эта, чересчур уж взрослая для гимназистки, знает и о происхождении платья, и о том, что перламутровые пуговички были спороты с другого, а после восстанавливались в особом масляном растворе, ибо только так можно было скрыть трещинки на перламутре... и о трещинках.

И о том, что не место Лизавете среди людей приличных.

Лизавета дернула плечиком, отгоняя непонятное желание немедленно покинуть Вдовий дом. Не хватало еще... можно подумать, прежде на нее не смотрели.

Смотрели.

По-всякому.

И презгливо. И с удивлением, мол, как это вышло, что у девицы столько наглости сыскалось – людей занятых от дел отвлекать прошениями своими. И оценивающе... и... нет уж, она не отступится.

– Где ожидают? – Лизавета стиснула ридикюль, борясь с желанием немедленно бежать.

Что-то нашептывало: отступись.

И вправду, куда тебе в цесаревичевы невесты? На конкурс? Тебе уж двадцать пять скоро... самое время снять полосатое платьице, отдать сестрам, авось у них жизнь сложится, а твой удел – наряды бумажейные, скучного строгого кроя.

Вышивка.

И...

Лизавета моргнула: она ненавидела вышивать. Тетушку вот занятие это успокаивало, а у самой Лизаветы спустя десять минут страданий над пяльцами появлялось неизъяснимое желание ткнуть кому-нибудь иголкой в глаз.

Титул махонький.

Собой невзрачная... красавица...

«Хватит», – сказала себе Лизавета, найдя силы взглянуть девице в глаза.

Снулые.

Серые.

Спокойные, как воды Невры-реки. И этакая характерная безмятежность, сколь помнила Лизавета, свойственна была лишь одному типу людей.

– Что ж. – Девушка моргнула, и глаза стали обычными.

Почти.

– Я рада приветствовать вас... Елизавета Гнёздина, если не ошибаюсь?

– Нет.

– Прошу, – менталистка – уровень пятый, если не шестой, что само по себе подозрительно, – указала на лестницу. – Полагаю, нам стоит продолжить беседу в более удобном месте.

– А стоит ли?

– Если вы хотите уйти...

Уйти Лизавета хотела, и даже очень, однако врожденное упрямство – ох, может, права тетушка, что мало Лизавету пороли, – не позволило retirроваться именно сейчас.

Глава 5

Ветер здесь пах черемухой. И аромат ее, теплый, летний, проникая сквозь приоткрытое окно директорского кабинета, будто приправлял собою чай.

Нет, чай был хорош.

Кабинет в меру роскошен – Лизавета сполна оценила эту кажущуюся скромность убранства. А владелица его внимательна.

Чересчур уж внимательна. Она сидела, удерживая хрупкую фарфоровую чашечку на раскрытой ладони, и разглядывала Лизавету. И ныне взгляд ее, пусть и живой, и лишенный былого презрения, был преисполнен самого искреннего любопытства, которое, к слову, пугало куда сильнее.

– Значит, всех так собеседуют? Зачем? – Молчание стало для Лизаветы невыносимым.

Госпожа Игерына – при свете дневном стало очевидно, что лет ей куда больше, чем показалось Лизавете внизу, – ответила:

– К нашему превеликому сожалению, оказалось, что некоторые... конкурсантки весьма легко внушаемы. А сами понимаете, в нынешних обстоятельствах мы не можем позволить себе победительницу... со столь явным недостатком.

Лизавета слегка наклонила голову.

В подобных обстоятельствах?

Это она... нет, конечно, слушок пошел сразу и как-то так даже окреп, утвердился... но получить подтверждение... почти прямое...

В работе своей она привыкла иметь дело с намеками, отчетливо понимая, что от собственно доказательств они весьма существенно отличаются. И сейчас... еще одно испытание?

Конкурс, кажется, будет не таким уж простым делом.

– И я прошла? – Хлопнуть ресницами, но не переигрывать. Обмануть менталиста подобного уровня невозможно, но... кто говорит о лжи?

Лизавета давно научилась играть с правдой.

И нет, она не дурочка.

И не наивна.

Она... обыкновенна. Главное, себя в этом убедить. Просто девушка, решившая попробовать силы. Почему бы и нет? Она ведь имеет право... по условиям конкурса... она...

Менталистка улыбнулась.

И подмигнула: мол, мне понятны твои игры, но я смотрю на них сквозь пальцы. Лизавета провела пальчиком по гладкому фарфоровому боку чашки: не стоит поддаваться.

Прием известный и при толике везения...

Их ведь учили держать ментальные щиты.

– Значит, вы решили попробовать свои силы? – Госпожа Игерына провела ноготочком по фарфору, и тот издал премерзейший звук.

– Я, конечно, понимаю... – Лизавета заставила себя сидеть спокойно.

Подобные шуточки менталисты частенько используют, чтобы разрушить спокойствие собеседника.

– ...что я, верно, не совсем соответствую образу... и, может, не так чтобы красива... но это ведь шанс...

Искренность.

И только она... это действительно шанс, и не только для Лизаветы – сама она давно уж смирилась с участью неприкаянной старой девы, – но и для сестер. Ульянка уже заявление подала. А как сияла, узнав... Тетка, конечно, заподозрила неладное, однако промолчала.

– Что вы. – Госпожа Игерына прищурилась. – Вы слишком строги к себе. Но я хотела бы знать, что вы всецело отдаете себе отчет... конкурс потребует от вас немалых сил, что душевных – это ведь непросто, что физических.

И вновь внимательный взгляд.

– Я готова. – Лизавета осознала, что она и вправду готова.

И не только ради денег, хотя они нужны, конечно, ведь, кроме Ульянки, и Марьяша подрастает. И тоже надеется, и никак нельзя ее этой надежды лишать.

А значит...

Ради них.

И еще отца, который верой и правдой служил отечеству. И ради матушки, верившей, что Лизавета обо всех позаботится, и ради себя самой.

Не юная?

Пускай.

Далеко не красавица?

Не важно.

Она сделает все, чтобы в конкурсе этом задержаться как можно дольше.

– Ваше настроение мне нравится, – сказала госпожа Игерына, доставая из стола пакет бумаг. – Будьте добры прочесть. Если что-то непонятно, спрашивайте. Как только подпишете...

Читала Лизавета быстро.

И подпись поставила недрогнувшей рукой.

Паковала чемодан – ужасающего великолепия вещь – под тетушкины причитания.

Ефросинья Аникеевна была, безусловно, женщиной предобреейшей, иная не стала бы возиться с сиротами, но при всем том совершенно обыкновенной, далекой от мира магического, и полагающей, будто истинное счастье порядочной девицы – удачное замужество.

И степень удачности определялась исключительно состоянием жениха.

Потому ей, смиренной и тихой, жизнь свою прожившей с мужем, родителями выбранным, были непонятны ни Лизаветины терзания, ни тем паче стремление ее отправить сестер на учебу. Учеба для девиц вовсе излишество, а уж денег стоит таких, на которых отличное приданое справиться можно.

– Фома Ильич вновь заглядывать изволил, – со вздохом произнесла она, изгибаясь и заглядывая в глаза Лизаветы с непонятною робостью. – Спрашивал, не передумала ли ты...

– Не передумала.

В данный момент Лизавету куда больше беспокоили платья, коих набралось целых пять. Одно – полосатенькое, быстро приведенное в порядок, другое из темной плотной ткани, более подходящее для осени, летом такое не носят. Еще пара повседневных, прямого кроя и украшенных единственно теми же перламутровыми пуговицами. А последнее – с кружавчиками, совершенно легкомысленное и сшитое тетушкой в тайной надежде, что кружавчики эти смягчат неудобный Лизаветин характер, склонят сердце ее к жениху столь выгодному.

– Лизонька!

– Тетушка! – Лизавета тетушку обняла. – Мы уже говорили. Нехороший он человек, недобрый. И мысли у него поганые, и устремления от светлых далеки. И не надобно нам такого счастья, сами справимся.

– Он Ульянке пряничка принес, – пожаловалась тетушка, то ли ревность надеясь вызвать, то ли предупреждая.

– Скажи Ульянке, что такие пряники поперек горла встать могут. И вообще, ей не о пряниках думать надобно, а об учебе...

Тетушка вновь вздохнула, но перечить не посмела.

Она и супругу-то покойному, человеку военной выучки и привычек казарменных, никогда-то не возражала, полагая, что он-то знает лучше. А как не стало его, так и растерялась, и в растерянности этой прилепилась к братову семейству.

Ее не гоняли.

Не обижали.

Не полагали никчемною, каковою она сама себя считала втайне, – ни хозяйства не берегла, ни детей народить не сумела, – но обходились со всем уважением. А что уж после приключилось... добрейшая Ефросинья Аникеевна втайне осознавала, что сама она не справилась бы.

Лизавета...

Ах, такой крепкая рука нужна, и только где же ее взять-то? И может, оно к лучшему? Пусть при дворе окажется, оглядится, небось там женихов – не то что в пригороде, один кривой, один хромой и два пропойцы горькие. Нет, авось найдет кого по душе...

Ефросинья Аникеевна постановила себе сходить в храм и свечку поставить.

За здравие.

А еще к бабке одной заглянуть, про которую в околице сказывали, будто бы она на куриных яйцах гадать умеет, и так ловко, что все сказанное всенепременно сбывается. Что же до соседущки, то, положила руку на сердце, он и самой Ефросинье Аникеевне доверия не внушал, однако же... разве в Лизаветином возрасте перебираются?

Какой ни дюж, а все муж...

Но раз уж так...

– Ох, тетушка, как вы тут без меня? – Лизавета села на кровать и руки сложила. Накатило вдруг – сердечко застучало, забилося пойманной птицей, голова кругом пошла.

И рукам стало холодно.

А если... она никогда не оставляла свою семью надолго, да что там... стоило уйти, как поселялось недоброе чувство, что, вернувшись, кого-то да не застанет, что уйдет вдруг тетушка – она слаба здоровьем и сердечные настойки пьет, да только помогают они слабо.

Или сестрицы.

Или...

Страх был необъясним, и справляться с ним получалось, пусть и требовались для того немалые усилия.

– Справимся. – Тетушка села рядышком и по руке погладила. – А ты не бойся... ты у нас разумница... и красавица редкостная...

В том Лизавета крепко сомневалась и до сих пор, признаться, пребывала в немалом изумлении, что ее вообще к конкурсу допустили. Была она... да обыкновенна. Не слишком высока, но и не мала ростом. В меру изящна, пусть и не без некоторой угловатости, которую нынешние платья не скрывали, но будто подчеркивали. Тот же Фома Ильич не единожды выговаривал, что Лизавета себя не бережет, питается скудно, а оттого тоща без меры.

Плевать.

А вот лицо у нее чистое, хоть и рыжа волосом, но без веснушек. Веснушки-то обыкновенно через два сезона на третий в моду входят, но все знают – это лишь отговорки, никому не охота рябую жену...

Лизавета потрогала щеки.

Лицо ее остренькое, с чертами правильными, но не сказать, чтобы особенной красотой отличалось – вот губы пухловаты, а глаза округлы, и потому кажется, что она вечно чем-то удивлена.

Ресницы хороши, темные, пушистые. А вот сами глаза карие, темные, что вишня.

Но там, при дворе, красавиц соберется бесчисленно... и куда ей тягаться с ними?

А хоть куда.

Она просто так не отступится.

Его императорское высочество цесаревич Алексей изволил скрываться и делал сие достаточно умело. Ему удалось пересечь Малую бальную залу, добраться до аркады и даже свернуть в западное крыло, оставшись незамеченным. А ныне в переполненном людьми дворце сие было немалым достижением. Право слово, знал бы, какой ажиотаж вызовет объявление о конкурсе, язык бы себе откусил, а не позволил бы...

– Ах, бабушка, право слово, я не знаю. – Княжна Одовецкая, до того дворцовой жизни избегавшая, остановилась у ближайшей колонны и туфельку сняла. – Меня это все изрядно утомляет... на охоту похоже, только вместо несчастного оленя – цесаревич.

– Перестаньте глупости говорить. – Бабушка княжны сама пребывала в годах, которые заставляли восхититься умением целителей.

Она и сама была не из последних.

И дочери сила передалась, правда, ее и стубила, когда моровое поветрие случилось и молодая княгиня не сочла возможным отсиживаться в родовом поместье. Супруг ее, тоже целитель известный, перечить не стал.

Старшая княгиня вернулась лишь к похоронам.

Поговаривали, тогда она разом постарела на десяток лет.

Велела поместье сжечь, а со внучкой перебралась в какую-то северную глушь, едва ли не на хутор, то ли грехи неведомые замаливать, то ли искать средство от мора.

Вернулись, стало быть.

– Если бы короне это было не нужно, поверьте, никто не стал бы возиться. А что утомляет, так, дорогая, не думали же вы, что все в вашей жизни будет безутомительно?

Девушка вздохнула.

– Понимаю, просто...

– Просто не будет. – Княгиня нежно погладила внучку по руке. – Но, Аглаюшка, подумай... когда еще такой шанс выпадет?

Лешек прижался к колонне, надеясь, что полога его отвращающего хватит, дабы остаться незамеченным. Не то чтобы он чем-то дурным занимался, но выходило неудобно, будто нарочно подслушивал.

– Таровицких я видела... они точно своего не упустят.

А при чем тут Таровицкие?

Что не упустят, верно сказано... давеча явились – и сразу к матушке, почтение, стало быть, засвидетельствовать. А заодно уж поднести драгоценных чернобурок, чаш малахитовых да прочего добра, дескать, чем богаты...

А богаты.

Старый род, хваткий, и Смута давешняя им будто бы на пользу пошла. Не только уцелели, но и добром обросли, большею частью соседским. Многие-то с мест насиженных срывались, бежали, опасаясь растерзанными быть, а Таровицкие сумели удержаться.

Маги они.

Огневики.

А там уж, после Смуты, и оказалось, что много усадебок ничейных или с наследниками малолетними, под вдовьими руками, а то и вовсе родственникам дальним отошедших – род Таровицких невелик был, но нашлось в нем место и вдовам, и сиротам...

Сироты повывастились, но узы созданные не разорвались. Оттого лишь прибыло силы.

– А если мы ошибаемся? – тихо спросила Аглая, поправляя неудобную туфельку. – Если все было не так, как вы полагаете?

Княгиня вздохнула.

Сцепила тонкие полупрозрачные пальцы и тихо сказала:

– Я тоже не хочу ошибиться, дорогая. А потому просто смотрим. Ждем. И... ныне они всякую осторожность утратили, возомнили себя неподсудными, позабыли, что помимо человеческого и иной суд имеется...

А вот это уже было интересно.

И Лешек дал себе зарок затребовать с архива то самое старое дело. Не может такого быть, чтобы старая княгиня на пустом месте интриги развела...

Глава 6

– А ведь знаешь, – матушка принюхивалась к ароматной пудре, – в этом и вправду что-то да есть. Я помню Властимиру распрекрасно... Говоря по правде, не хотела ее отпускать – она одна меня встретила пусть без особой любви, но с уважением... а после уж... Сильная женщина.

Пудру из отделанной драгоценными камнями коробки матушка пересыпала в обыкновенную. Она была исключительно рачительной женщиной и в хозяйстве ее превеликом всему находилось применение, даже ядам, составленным столь хитро.

Мало ли как оно в жизни повернется...

– И историю ту помню, она меня изрядно удивила. Моровое поветрие, конечно, беда, но вот для двоих целителей высшего уровня...

Коробку она протерла шелковым платочком, который спрятала в рукаве.

Змеевне ли ядов бояться...

Мелкие чешуйки, проступившие было сквозь кожу, в нее и ушли. А императрица коснулась бледной щеки:

– Может, представиться больною?

– А конкурс?

– Твоя правда... позже, когда начнем, значит. Все равно не сразу подействует. А ведь тогда именно Дубыня Таровицкий разбирательство учинял. Ходили слухи, что поветрие не просто так началось. Дубыня к младшей Одовецкой сватался, только она отказала, выбрала мальчишку из простых, но с даром сильным. Одовецкие кровь всегда берегли. Они, чтоб ты знал, мужей в род предпочитали принимать, и не помню, чтобы слышала, что кто-то да не согласился.

Императрица похлопала себя по щекам.

– Дубыня и отписался, что оба преставились – магическое истощение, мор уж больно силен был. Я тогда не слишком в людях разбиралась, чтобы понять... Теперь вот, значит, и у нее сомнения. Скажи Митеньке, чтобы встречу мне с княгиней устроил, только тихую. И девочке надо будет защиту сделать... К слову, присмотрись...

– Мама!

– Мама, мама... – Императрица-матушка поправила роскошное ожерелье, в котором скрыто было с полдюжины амулетов. – Я тебе, охламону, добра желаю... исключительно.

В Царское Село, которое давным-давно собственно селом не являлось, Лизавета добиралась на конке. По ранешнему времени она была приятно пуста. Дремал на первом сиденье лохотный господин в слегка мятом костюме приятного желтого колеру. Сидели, взявшись за руки, гимназисточки, глазели на потрепанный Лизаветин чемодан и громко обсуждали классную даму, которая, однако, чересчур уж строга.

Ей самой удалось еще поучиться в приличного свойства гимназии, и воспоминания об этом времени сохранились у Лизаветы самые светлые, а вот сестры...

Гимназии стоят денег.

Но и при должном старании рекомендации дать могут для поступления, а там один шаг до государственной стипендии. С Ульянкой, конечно, поздно, но если получится, младшенькую можно будет устроить куда... в тот же Вдовий дом, к примеру.

Она вышла.

Поправила слегка сбившуюся шляпку, украшенную ленточками и атласными розочками, из старых лент крученными. Шляпки у тетушки выходили преочаровательные, однако Лизавету не отпускало чувство, что одного этого будет недостаточно.

Но разве легче было тогда, когда она горничной устраивалась? Стояла на коленях от рассвета до заката за сущие гроши?

Или тот раз, когда – страшно и подумать – в публичный дом проскользнула, правда, модисткою, но все же... Узнай кто, и Лизаветиной репутации придет конец. Хотя ее так и подмывало написать статейку о том мире, что скрывается за узорчатыми дверями. Сводни и мамочки.

Бланкетки, иной жизни не выдавшие.

И девицы почти приличные, скромно именовавшиеся камелиями. Стареющие смотрительницы домов, отчаянно боящиеся нищеты и старости. И уличные «билетницы»², которые сгорали рано...

Не пропустят.

Даже Соломон Вихстахович с его любовью к скандалам поостережется затрагивать неприятную эту тему. Однако, может быть, когда-нибудь...

Лизавета отмахнулась от глупых мыслей и подхватила чемодан: о настоящем думать надобно. О том, что писать, ведь ждут же и вовсе не этих почти непристойных откровений, услышанных ею словно бы между делом. А как быть, если клиент уж больно охоч был до дармового – кто ж с санитарного смотрителя денег затребует? – молодого тела.

И, к счастью Лизаветы, тело предпочитал столь молодое, что это прямо нарушало царский указ³.

Она остановилась у ограды.

А дальше куда?

Нет, ей велено явиться, она и явилась к назначенному времени, но кто встречает? Или... очередное испытание? Лизавета окинула взглядом чугунную ограду, оценив и немалую красоту ее, и высоту, и остроту шпилей. При нужде, конечно, она обошла бы... правда, тут идти пришлось бы долго, ибо Царское Село огромно, но что поделаешь... не может такого быть, чтобы в ограде этой не сыскалось махонькой калиточки.

Она для интересу поднесла конверт к воротам, но те остались заперты. Контур охранный тоже не дрогнул, будто бы и не было тут Лизаветы. И что делать?

Охраны не видно.

И вообще никого, к кому можно было бы за помощью обратиться.

– Посторонись! – Крик заставил вздрогнуть и отскочить.

Вовремя – по дороге летел изящного вида экипаж, запряженный четвериком вороных. Стоило коням приблизиться, и ворота сами собой распахнулись, пропуская гостей.

И Лизавету.

Почему бы и нет? Приглашение у нее наличествовало, а что ворота не открылись... мало ли, бывает. Зато она мстительно усмехнулась: вот и тема есть для первой статейки, о гостеприимстве высочайшем.

Карета унеслась.

Ворота закрылись, благо закрывались они неспешно: Лизавета не только сама вошла, но и чемодан прихватить успела. Она уж не единожды пожалела, что согласилась принять этакую монстру. Да, некогда, в счастливые времена тетушкиной молодости, чемодан, безусловно, был хорош.

Вместителен.

Надежен.

² Низшая категория проституток, имевших вместо паспорта санитарный билет, в котором проставлялись отметки о посещении врача.

³ Несмотря на то что в царской России проституция была легализована и курировалась несколькими ведомствами, существовал довольно жесткий возрастной ценз.

Рама из прочного дерева была обтянута темной кожей. Массивные замки блестели, да и сам вид такого чемодана – огромного, солидного – внушал безусловное почтение к хозяину его. И что с того, что кожа протерлась и потрескалась местами, а рама и вовсе слегка покривилась? Замки тетушка от ржавчины очистила и маслом натерла.

Весила эта монстра и сама по себе изрядно, а уж вместе с вещами...

Лизавета с тоской посмотрела на мощеную дорогу, уходившую куда-то вдаль. По обочинам ее росли каштаны, за ними простирались зеленые поля, где-то там, дальше, начинался парк, а уж за парком и дворец обнаружится... должен, во всяком случае.

– Тьфу на вас всех, – пробормотала Лизавета, подхватывая монстру.

Она прошла с десятков шагов и остановилась. Этак она и до вечера не доберется, а ведь ей обещали, что встретят, что ей главное – прибыть...

Точно напишет.

И похоже, с нужной толикой эмоциональности.

Споткнувшись, Лизавета едва не упала вместе с треклятым чемоданом. Эх, приделаться бы к нему колесики... Она попробовала было монстру тащить, но та скрипела, скрежетала и грозила развалиться.

Дорога же по-прежнему была пустынна.

И...

Ах, дорогие мои читательницы!

Добравшись до заветных каштанов, Лизавета вздохнула, присела – благо для этой цели чемодан подошел как нельзя лучше – и смахнула пот со лба. Хороша она будет... красавица... растрепанная, взопревшая...

Если у вас есть экипаж и чин батюшкин, открывающий ворота Царского Села, то на конкурс вы придете в виде наилучшем. Тем же, кому не повезло, придется искать способ проникнуть за ворота, ибо обещанная встреча...

Чирикали птички.

Благоухали розы, правда, где-то вдали, но ветерок доносил чудесный аромат их. Место дышало покоем и безмятежностью.

Однако, памятуя, что труд всякий человека облагораживает, следует надеяться, что счастливицы, которым все же удастся преодолеть Каштановую аллею и добраться до дворца, изменятся к лучшему и получат...

Лизавета задумалась.

А что, собственно говоря, получают, помимо мозолей на руках и больной спины, ибо странно думать, что какая-нибудь несчастная конкурсантка явится сюда вовсе без багажа?

– Что вы тут делаете? – резкий голос заставил ее очнуться, и она поморщилась: еще и мысль преудачную спугнули.

– Отдыхаю. – Она развязала ленты и шляпку стянула.

Тетушка пришла бы в ужас, но проблема в том, что день выдался жарким, а Лизаветин веер, к слову, единственный, скрывался где-то внутри монстры.

Она помахала шляпкой.

– Здесь? – поинтересовался неизвестный, а Лизавета, положив шляпку на колени, юбку приподняла. Конечно, Царское Село – место такое... особенное, но она за свою жизнь насмотрелась всякого, а уж наслушалась... Не будет нормальный человек по кустам шариться.

– А нельзя?

– Отчего же... – В кустах зашебуршалось, а Лизавете удалось-таки подцепить ножичек.

Простенький.

Махонький.

Такой спрятать легко. Девки сказывали, что даже при полицейском досмотре при должном умении его сокрыть можно. Правда, места называли такие, что Лизавета краснела, чем вызывала у оных девок приступы смеха, мол, наивная.

Зато пользоваться научили.

Малафья, которая прежде в циркачках ходила, да сбегла с любовником лучшей жизни искать, с ножом обращалась, как иные благородные девицы с иглой. Всему не научила, но кое-что показала.

– Дурная ты, – сказала она снисходительно. – Пригодится...

И ножик она же подарила.

А Лизавета взамен платочек принесла, алыми розами расписанный.

Напишет.

Когда-нибудь. И про нее, и про других девиц, которых общество полагает отверженными, отказывая им не только в праве на маломальскую защиту, но и вообще на разум и чувства.

– Можно... – Мужчина выбрался на дорогу и отряхнулся. – Только здесь беседки имеются... в беседках отдохнуть сподручней.

Прятаться в кустах – недостойно особы положения столь высокого. Так сказала бы матушка, немало гордившаяся титулом, хотя все знали, что получен он исключительно потому, что невозможно представить, чтобы царская кормилица к подлому сословию принадлежала.

Нет, она была хорошей женщиной.

Доброй.

Ласковой.

И обоих мальчишек любила той искренней любовью, за которую прощалось если не все, то многое. Она и умерла-то, защищая цесаревича, и отнюдь не из долга перед родиной, но лишь потому, что в голове ее не укладывалось, как это дитятко тронуть можно.

Бесчеловечно.

И что с того, что дитятко два десятка лет уж разменяло.

Князь вздохнул и затаился.

Матушка еще тогда, будучи живой, начала ему невесту подыскивать, перебирая девок придиричивей, нежели иной купец товар. Обычно робкая, стеснительная даже, она вдруг становилась иной, когда речь заходила о собственном ребенке. И нынешних девиц с их напористой наглостью, порой выходящей за рамки приличий, она бы точно не одобрила.

Девицы, заполонившие дворец, были милы.

Очаровательны.

Прелестны.

И порой глупы несказанно. Однако, что гораздо хуже, все до одной одержимы безумной мыслью выйти замуж. Лучше всего за цесаревича, потому как всем известно, вот-вот он шапку Мономахову примерит. А супруга его, стало быть, будет императрицей. Однако цесаревич один, а потому...

Впервые, пожалуй, ни репутация, ни происхождение низкое – а о нем, несмотря на титул и высочайшее расположение, помнили, – ни собственный дурной характер не отпугнули потенциальных невест.

– Ах, князь, – графиня Кизлявская закатывала очи и прижимала руки к груди, – вы та-а-акой умный...

– А вы такая красивая...

Девиц стало не просто много, как-то очень вдруг много.

Они терялись в коридорах дворца, умоляя о спасении. Словно случайно бы обнаруживались в местах, где им и находиться бы не положено. Падали в обмороки, жаловались на шепуршание и призраков. Многозначительно вздыхали или и вовсе норовили уцепиться за

руку, будто бы предъявляя некие одним им известные права на свободу Навойского. И впервые, пожалуй, князь растерялся.

Не в подземелья ж их отправлять, право слово.

От графини ему удалось избавиться, перепоручив ее заботам какого-то дворцового бездельника, которых ныне тоже развелось больше обыкновенного: среди девиц имелись и неплохие, большей частью размером приданого, варианты. Однако на месте графини тотчас возникли княгиня... баронесса, и даже две, ревниво поглядывавшие друг на дружку...

И честно говоря, князь и сам не мог понять, каким таким расчудесным образом он оказался в зарослях шиповника. А шиповник здесь рос самого обыкновенного дикого сорту и потому был ветвист, шипаст и на редкость цепок. Зато девицы остались где-то позади, предпочитая держаться аллей и зеленых лабиринтов, где по чистой случайности – как иначе-то? – можно встретить подходящего жениха. А при должной толике смекалки и везении, без него-то в брачных делах и вовсе нечего искать, и вовсе обзавестись заветным колечком.

Колечек дарить князю не хотелось.

И ничего не хотелось, кроме как выбраться из зарослей, чем он, собственно говоря, и занялся, дав себе зарок более с девицами в беседы не вступать. И вовсе сообщить о своем отбытии, а самому личиной обзавестись... или нет, личина не пойдет. Девицы-то одаренные, а матушки их с нянюшками вкупе и вовсе опытные, мигом почуют неладное.

А вот если по стариночке? Усы приклеить. Паричок. Одежку победнее.

Князь мигом набросал портрет будущего себя: обыкновенного чиновника низшего класса. В меру подобоострастного, слегка туповатого и, что куда хуже для чиновничьей карьеры, лишенного покровителя...

Такой точно интересен не будет.

Правда, додумать он не успел, ибо кусты вдруг поредели, и князь увидел выездную аллею, а на ней – очередную девицу, на сей раз сидящую. Сидела она на уродливого вида чемодане, явно знававшем лучшие времена, и мечтала.

Или думала.

Нет, эту мысль князь отбросил, редкая особа слабого полу к подобному приспособлена. А вот мечтать – это иное...

И что делать? Обратно в кусты лезть?

Во-первых, сие крепко ниже княжеского достоинства. Во-вторых, шиповник менее колючим не станет, а наряд его и без того изрядный ущерб претерпел. В-третьих... в конце концов, может, ей действительно помощь нужна.

Девица почесала кончик носа и нахмурилась.

Была она не сказать чтобы совсем уж юна.

Мила, но не более того, а еще напрочь лишена того особого лоска, который возникает на девицах после тесного общения с дворцовыми мастерами красоты. Рыжая коса ее слегка растрепалась, и из-под шляпки торчали тонкие прядочки.

Одна к щеке прилипла.

Князь моргнул и покашлял, давая знать о своем присутствии. Но девица даже не шелохнулась. Ногой качнула, рученькой махнула, осу назойливую отгоняя... Вот что она тут делает? На аллее?

Конкурсантка, что ли? А почему одна? Где мамка там или еще какая престарелая родственница, приставленная следить за моральным обликом? Или хотя бы компаньонка... и вообще кто-нибудь живой?

Князь нахмурился.

Одинокая девица выглядела на редкость подозрительной. И потому, откашлявшись – в горле запершило по-настоящему, – поинтересовался:

– Что вы тут делаете?

Девушка подскочила, то ли от неожиданности, то ли эту неожиданность показывая, едва при том не сверзилась с чемодана.

– Отдыхаю, – сказала она, не скрывая своего раздражения.

– Здесь? – Нет, эта аллея, следовало признать, была ничем-то не хуже предыдущих. В меру тениста, в меру очаровательна. Цвели каштаны, гудели шмели. Камни на мостовой поблескивали, будто намащенные.

– А нельзя? – Девушка сжала кулачок.

Она вглядывалась в заросли с на редкость воинственным видом.

– Отчего же, – вынужден был признать князь, выбираясь из зарослей. – Можно... Только здесь беседки имеются... в беседках отдыхать сподручней. А собственно говоря, вы кто?

– Лизавета. – Теперь девушка смотрела на него хмуро, явно не слишком радуясь знакомству.

– Дмитрий, – представился князь, слегка поклонившись. – Вам не стоит опасаться, я... Не причину вреда?

Как-то пошлово звучит. Впрочем, девушка тряхнула рыжею гривой и заявила:

– Я не опасуюсь. Я просто... – Она вздохнула и указала на чемодан: – На конкурс вот... сказали быть, я явилась... а никто не встречает...

Она стукнула по чемодану пяткою, будто желая пришпорить, но тот остался недвижим.

– Позвольте взглянуть на ваше приглашение?

Ситуация была по меньшей мере неоднозначной. А главное, приглашение девушка протянула. Настоящее. На гербовой бумаге, одобренное печатью и личной подписью княгини Игерьиной, которая была наилучшей рекомендацией.

– Гм, – сказал князь.

А девушка вновь вздохнула и, убравши приглашение в ридикюль, произнесла этак задумчиво:

– Сдается, мне здесь не слишком рады...

Глава 7

Самый страшный человек в империи – а Лизавета сразу узнала князя Навойского – выглядел утомленным и несколько помятым. Оставалось лишь догадываться, что понадобилось князю в кустах – Лизавета отчаянно гнала прочь трусливую мыслишку, что он следил именно за нею, неким прехитрым способом догадавшись о ее с Соломоном Вихстаховичем планах.

Тогда ее просто не пустили бы...

И... целого князя для какой-то газетчицы... нет, это чересчур.

Но князь был.

Стоял вот, разглядывая Лизавету. И выражение лица такое непонятненькое, на нем и скука, и легкая брезгливость, и раздражение... а сам-то вовсе не так уж и грозен.

Тощеват, конечно.

Угловат.

Грубоват с лица. Оно вовсе какое-то неправильное, будто наспех сделано. Нос массивен, и переносица дважды искривлена, отчего нос глядится размазанным по лицу. Нависает он клювом над узкими губами. Щеки впалые.

Скулы острые.

А подбородок и вовсе тяжелый, будто у другого человека украденный. Вот глаза светлые у него, добрые... Лизавета моргнула, избавляясь от морока.

Добрые?

Какая доброта у этого... этого... опричника? Помнится, в прошлом году он самолично княгиню Михайловскую задерживал и препроводил не в Белый стан, куда издревле помещали особ дворянского звания, а в самую обыкновенную тюрьму.

Скандал был страшный...

После, сказывали, лично и удавил Михайловскую. А состояние ее немалое реквизировал в пользу казны.

И бунт на Воложке он усмирят, а бунтовщиков, сказывали, лично казнил, хотя мог бы перед расстрельной командой поставить.

И еще...

– Гм... – Князь потер подбородок, на котором проступила темная щетина. Вот ведь, сам мастью светлый, а щетина темная... может, красится?

Мысль определенно была прекрамольнейшей.

– Интересно, – приглашение Лизавете он вернул и, окинувши взглядом аллею – а взгляд переменялся, сделался цепким, превнимательным, – сказал: – Позвольте вас проводить?

Лизавета кивнула и, вспомнив тетешкины наставления, ответила:

– Буду вам премного благодарна.

И слезла с чемодана. А князь его подхватил, и этак с легкостью, которая заставила Лизавету взглянуть на него по-новому. Это ж откуда подобная силища? И главное, росту в нем не сказать чтобы много. Лизавета с ним вровень, а это еще каблук низкий, если туфли другие взять и прическу сделать, то и повыше будет.

– Прошу. – Князь указал на аллею, которая уводила куда-то вдаль. – И приношу свои извинения за это... недоразумение. Виновные будут наказаны.

И произнес он это так, что воображение мигом нарисовало вереницу лакеев, выстроившихся на эшафоте. Правда, Лизавета мигом себя одернула: сатрап или нет, но в просвещенном двадцатом веке за такие малости не казнят.

Наверное.

Идти пришлось долго.

Аллея, видать, все ж предназначалась для экипажей, а не пеших прогулок. И князь при-
томился. Нет, виду он не показывал, но сопел, а на лбу проступила испарина. Монстра, мало
того что тяжела была, так – Лизавете ли не знать – жуть до чего неудобна.

– Ох, – она вздохнула и остановилась. – Простите... у меня туфли натирают... позвольте
немного...

Князь позволил.

И чемодан оставил. И поинтересовался даже:

– Зачем вам конкурс?

Над ответом – а Лизавета точно знала, что кто-нибудь да задаст неудобный этот вопрос, –
она думала. И не придумала ничего лучше:

– Жениха найти. – Она хлопнула ресницами и доверительно этак продолжила: – Пони-
маете... мне скоро двадцать пять, а для девушки это возраст, когда пора всерьез задуматься
о будущем...

И главное, тут взгляд опущен.

Реснички трепещут.

И румянца хорошо бы стыдливого, но с румянцем у Лизаветы никогда не ладилось. Вот
такая она уродилась... безрумяная.

– Я сирота... и приданого нет...

Князь слушал.

– И все-таки я надеюсь, что здесь... быть может... сыщется кто-то, кто... понимаете?

Князь кивнул.

Ага... а теперь вздохнуть горестно.

– Я должна была попробовать...

И снова кивнул. И, подхватив чемодан, предложил:

– Идемте? Здесь уже недалеко.

Передав рыженькую девицу – все-таки менее подозрительной она не стала, и князь дал
себе слово всенепременно связаться с Игерьиной и поинтересоваться о личных ее впечатле-
ниях – на руки Магдалине Францевне, старшей камер-юнгфере ее императорского величества,
с наказом устроить, князь решил заняться другим делом. И пусть выглядело оно пустяковым,
но репутацию могло изрядно подпортить.

Вызвав камер-фурьера, он затребовал журнал.

А заодно и побеседовал, ласково, само собой. И как ожидалось, новость почтеннейшему
Илье Лаврентьевичу пришлась крепко не по душе. Стоило отпустить его, как зычный бас
понесся по дворцовым коридорам, заставляя многочисленную прислугу замереть. Дело свое
Илья Лаврентьевич знал, а потому не прошло и часа, как пред князем предстала пара лакеев.

– Из новых, паразиты этикие! – Илья Лаврентьевич, дюже оскорбленный неуважением,
которое новенькие оказали императорским гостям, весь испереживался. Белая борода его, раз-
деленная надвое, топорщилась. Блестели очки и многочисленные награды. А стек похлопывал
по коленке. – А ведь брать не хотел... как чуял... скажите матушке, что конкурсы – дело хоро-
шее, но упреждать же надобно... челядь достойную поди-ка подыщи. Тут же никого не хва-
тает... одних ламповщиков надобно еще с десятка два, а кроме них и ездовые, и вестовые...
и комнатные девки...

Он продолжал перечислять, загибая и разгибая толстые пальцы, жалуясь и на гостей,
не желавших войти в положение и требовавших внимания, порой чересчур уж требовавших,
полагавших, будто весь дворец существует едино для их нужды. И на слуг нерасторопных...

Или вот продажных.

– Пятьдесят целковых, – произнес Илья Лаврентьевич, падая в креслице. – Я ж их... за пятьдесят целковых... а мне доложил, что не явилась барышня... и вчера... и третьего дня... мне бы, старому, подумать, с чего вдруг ни одна не явилась...

Князь закрыл глаза.

Началось.

И надобно будет свериться со списком, выяснить, кто не явился и по какой причине.

– Вы уж разберитесь, пожалуйста. – Илья Лаврентьевич отер испарину платочком. – И матушке... матушке я сам доложусь... повинюсь как есть... пусть отставку...

Не дадут ему отставки, о чем старый шельмец распрекрасно знает. Может, кроме него и есть при дворце камер-фурьеры, да те младшие, всех хитросплетений местной жизни не ведающие. А без Ильи Лаврентьевича с гостями нынешними не справиться.

Да и вовсе...

– Успокойтесь, – велел Димитрий, руки потирая. – Этих двух мне оставьте, а матушку... ни к чему ее беспокоить. Сами разберемся. Вы только...

– Не повторится! – Илья Лаврентьевич тяжело поднялся. Остановился в дверях, будто задумавшись, и произнес: – Оно-то, конечно, не моего ума дело... вы уж не серчайте, если что... однако, мнится, вам знать не помешает... ходит слух, что вы в немилости у батюшки нашего...

В немилости?

Собственно говоря, почему бы и нет? С планом Димитрия это вполне увязывалось. И князь кивнул, дозволяя слуху этому обрести жизнь, а с нею и подробности.

Сам же лакеями занялся.

Получилось простенько и мерзенько. Всего-то и надобно было, что встретить девицу, пусть сословия благородного, но чинов небольших, и забрать приглашение, ответивши, что, мол, ошибка вышла.

Или и вовсе не встретить.

Но тут уж и вправду ошибка вышла, не поделили между собою рубли, зазевались...

– Кто платил? – ласково поинтересовался князь.

Лакеи переглянулись.

Так оно разве ж упомнишь... дамочка, но при маске, при плаще... им-то оно в лицо вглядываться ни к чему, им бы свой интерес соблюсти.

– На каторге сгною. – Без особого вдохновения получилось, но поверили. Упали на колени, каяться стали, божиться, что, мол, бес попутал, а больше-то они ни в жизнь так не будут...

Конечно, не будут.

Илья Лаврентьевич проследит, чтобы красавцы эти ни в один приличный дом не устроились. Что ж... старик был памятливым, злоязычен, а уж игр за своей спиной и вовсе не терпел.

В матушкиных покоях, несмотря на летний денек, было натоплено. Полыхал огонь в печи, гудел, грея воздух, и без того раскаленный.

Лешек чихнул.

А императрица взмахнула рученькой, отпуская взопревших дам, которые скоренько удалились. Были они одинаково краснолицы и потны, одна и вовсе едва не сомлела в дверях, но была подхвачена фрейлинами. Те-то пообвыклись и от жары не то чтобы не страдали, скорее уж обзавелись правильными амулетами.

– Проходи, Лешенька, – слабым голосочком произнесла императрица, – порадууй матушку...

– Все ж прихворнуть решили? – Лешек с удовольствием открыл бы окно, пусть свежий ветер выметет из покоев матушкиных эту удушающую смесь благовоний, притираний, ароматных вод и чужого пота. Императрица же, присевши на перинах, потянулась.

Зевнула.

Зажмурилась.

Она-то аккурат жару не то чтобы любила, но переносила куда проще, чем обыкновенные люди.

– Присядь куда... и что с Одовецкими?

– Я взял на себя труд, руководствуясь единственно заботой о вашем, матушка, здоровье...

Она отмахнулась, уточнив:

– Когда?

– Да ныне же вечером... она, как мне показалось, не слишком рада была.

– Старшая?

– И младшая тоже... нет, глазки в пол, лепечет какие-то глупости, но опыта не хватает. Любопытство выдает. И что-то еще есть. – Лешек пальцами щелкнул. – Не могу понять...

– Плохо, что не можешь. – Матушка отобрала у него кубок с водой, которую выплеснула в горшок с волчьецветом.

Что сказать, вкусы у императрицы-матушки были преспецифические.

Ягодку вызревшую сняла.

В рот отправила.

Зажмурилась.

– Кисло, – пожаловалась позже. – Что-то меня вовсе приворотными перестали жаловать. Аль подурнела?

– Матушка!

Нет, он знал, что на матушку время от времени пытались воздействовать, но приворотное...

– Что? – Она тронула тяжелые косы, которые ныне обрели оттенок белого золота. – Лешек, ты же большой мальчик, понимаешь, на что способна влюбленная женщина...

Оно-то верно, его и самого время от времени опоить пытались.

– Нет, дорогой. – Императрица ущипнула его за щечку. – И ядов больше не шлют, и чары попрiderживают. Затаились, а это нехорошо...

Он вздохнул и пожаловался:

– Женить хотят...

– Ироды какие, – посочувствовала императрица. А глаза смеялись. И сама она будто сияла, такая хрупкая, такая легкая... обманчиво легкая. Лешек, еще будучи дитем горьким, развлекался, пытаясь поднять золотые косы. И что у батюшки выходило просто, ему не давалось.

– Матушка... они все будто сговорились... только войду куда, одна половина ахает, другая охает. Кто-то всенепременно сомлеет и так, чтобы в ноги рухнуть... я уже притомился их ловить.

– Не лови, – разрешила матушка.

– А скажут что?

– Дурачку простительно.

Лешек засопел. Оно-то верно, и придумка эта, с царевичем ума недалекого, которым вертеть легко, его была, но ему мнилось, что поиграет месяцок-другой, а после...

Третий год пошел.

Уже и сам привык.

– Ты лучше к Таровицким присмотришься. – Матушка сорвала вторую ягоду, облизала пальчики и сказала: – И к Вышнятам... они давненько при дворе не показывались, еще когда батюшка твой меня привез, крепко обиделись. Прочили свою Гориславу ему в жены...

Эту историю Лешек тоже знал.

И про верного Гостомысла, некогда стоявшего еще при комнатах покойного государя камер-казак⁴. Происходивший из рода древнего, но обедневшего, он сам дослужился до высокого звания. Гостомысл Вышнята был горд.

Беден.

Храбр до безумия.

И беззаветно предан его императорскому величеству. Однако одной преданности оказалось недостаточно.

Лешек знал, что Гостомысл и иные люди предлагали дядюшке побег, готовили его, уговаривали, однако... почему он отказался?

Поверил бунтовщикам, что отречения довольно?

Или, напротив, не поверил, что казнят всех?

Как же... императрица-то невиновна, наследник мал и слаб, а цесаревны и вовсе от политики далеки. За что их стрелять было? Ах, батюшка сказывал, что братец его старшенький был хоть и государственного ума, но слаб, и доверчив, и боязлив, что уж вовсе царю неможно. И чувалось, что до сих пор не простил его, такого бестолкового, расплатившегося за ошибки жизнью, и не только своей.

Больная была тема.

Живая.

Что язва.

Как бы то ни было, узнав о казни царского семейства – а бунтовщики и не думали скрывать злодеяние, видя в том бессмысленном кровопролитии некое извращенное подобие подвига, – Гостомысл взъярился.

Он сумел каким-то чудом собрать вокруг себя гвардию.

Подмять казачество, оставшееся без головы, а потому еще более опасное, нежели бунтовщики. Он усмирил купцов и взял в руки армейских. Карающим мечом пронесся по Везнейскому тракту, осадил Северполь и Кустарск. Устроил взрывы на пороховых складах бунтовщиков и сровнял с землею заводы купца Османникова, прослышавши, что тот вздумал задружиться с новой властью.

Он жег.

Вешал.

Стрелял. Он оставлял за собой вереницы мертвецов, движимый лишь яростью, и только бледная его сестра, сопровождавшая брата во всех походах, невзирая на тяготы, – отпустить Гориславу он не решался, уж больно много попадалось на пути его разоренных усадеб, – обладала удивительной способностью умирять крутой нрав брата.

Ее-то и пророчили в жены батюшке, когда тот объявился.

Лешек знал, что корону предлагали и самому Гостомыслу, но он этакий подарочек отверг с гневом: мол, государству служит и царю, а стало быть...

Обиделся.

Как есть обиделся, ибо батюшка, еще молодым будучи, на Гориславу поглядывал с нежностью и того не чурался признавать. Сказывал, уж больно хрупкою она была, что цветок весенний, такую хочется оберегать и лелеять.

И женился бы, тут думать нечего, когда б судьбу свою не встретил.

⁴ По сути, личная охрана государя и государыни. В их обязанности входила круглосуточная охрана императрицы, сопровождение ее во время пеших прогулок, вояжей и выездов.

И говоря о том, на матушку поглядывал, а она розовелась совсем по-девичьи...

А Вышняя не простила.

На свадьбе был, оно и верно.

И титул княжеский из рук новопровозглашенного царя принял с благодарностью. И от земель отказываться не стал. А вот на прежнее место не пошел. Отговорился, что, мол, плохим он был камер-казаком, раз не уберег своего императора...

Да и притомился.

Пусть другие служат... неволить Гостомысла не стали.

Отбыл он поместье сожженное восстанавливать и сестрицу с собою забрал. Сказывали, что женился в самом скором времени, причем не на княжне или графинюшке, которых ему сватали во множестве, спеша заручиться через него царскою милостью, но на девице вовсе худородной.

А Горислава... что с нею стало, Лешек не знал.

Дочку Вышнеты он приметил и без матушкиного намеку. Уж больно та выделялась среди прочих девиц вовсе не девичьею статью. Была высока. Стройна, едва ль не до прозрачности худощава. Да и во всем облике ее имелось нечто инаковое, заставлявшее прочих девиц в стороне держаться.

Надо будет познакомиться поближе...

– Надо, надо, – поддержала императрица. Выходит, вновь заговорил вслух? А матушка знай усмехается, только взгляд презадумчивый. И о чем думает, Лешек понимает распрекрасно: такими людьми, как Гостомysl Вышняя, не бросаются.

И раз решил он с царем замириться – а иначе б и дальше в глуши своей сидел, – так тому и быть... Может, сестра не стала императрицею, так хоть дочка корону примерит?

Лешек вздохнул.

И ягодку принял. Сунул в рот и скривился: и вправду, кисла она была, что доля царская.

Глава 8

Устроили Лизавету в комнате не сказать чтобы большой, но чистой и светлой. Окошко выходило в сад, правда, в ту часть его, которая казалась вовсе одичалой, ибо клумбы с газонами и лабиринтами расположены были по другую сторону дворца, но Лизавете так понравилось даже больше.

В комнатушке – она и вправду не намного больше тетушкиной, вот удивительно, что в царском дворце имеются и такие скромные покои, – нашлось место для кровати с балдахином, ноне подвязанным атласными бантами, махонького туалетного столика и вполне себе удобного с виду кабинетного стола со многими ящичками. Лизавета не удержалась и сунула в них нос. Нашла, правда, лишь бумагу, перья и чернила. А еще запас свечей и восковые палочки.

Преумилительно.

А если...

Она воровато оглянулась на дверь, даже выглянула наружу, убеждаясь, что коридор пуст, и вернулась к столу. Уселась. Провела ладонью по теплому дереву – наборное и хитрым узором сделано, будто переплелись светлые и темные ниточки.

Красиво.

За таким и писаться должно легче... О чем? А хоть бы о встрече, как и планировала. Не статью – так, коротенькую заметочку.

Она вытащила лист. Погладила. Придавила чернильницей – массивной, из темного агата вырезанной, дома этакой красоты у нее не было, возникло даже преподлейшее желание сунуть чернильницу в чемодан, но Лизавета себя преодолела.

Перышко покусала – так ей всегда думалось легче.

И...

В дверь постучали.

– Войдите, – вздохнула Лизавета, перо откладывая. Успеется... глядишь, еще впечатлений набегит, раз уж ее за ними отправили.

Вошла девчонка совсем юных лет, присела неуклюже и, глядя в пол, пробормотала:

– Меня туточки... к вам отправили... служить.

Говоря по правде, Лизавета растерялась. Оно-то, конечно, с прислугой сталкивалась, но большею частью с чужой, к которой приходилось искать особый подход. А вот чтобы служили самой Лизавете... и как себя вести положено?

Девчонка стояла, все так же пол разглядывая. Лизавета тоже посмотрела на всякий случай: пол был хорош, паркетный, узорчатый и натерт до блеска. В комнате, если придохаться, до сих пор запах воску ощущался.

– Я... рада, – сказала Лизавета, положивши руки на колени.

Спину выпрямить.

Подбородок поднять... матушка манерами ее озаботилась, да и в университете этикет преподавали, к превеликой, казалось тогда, печали.

– Если чего надо...

– Пока не надо.

– Там колокольчик стоит. – Видя, что гневаться Лизавета не собирается, девчонка успокоилась. – На меня зачарован. Потрясите, и услышу... прибегу скоренько, вот вам крест!

И широко так размахнулась, крестясь.

– Хорошо.

Лизавета подумала, подумала и... в конце концов, разве не прислуга была для нее основным источником информации? Разве не убеждалась она, что люди, которых стоящие при вла-

сти полагают ничтожными, многое видят и порой знают о хозяевах куда больше, нежели оные хозяева себе вообразить способны.

– Как тебя зовут?

– Руслана я, – вздохнула девица. И поспешно пояснила: – У меня матушка из турок, а батюшка наш. И крещеная я!

Она вновь размашисто перекрестилась.

– И не думайте, воровать не стану... вот вам...

– Верю, – прервала Лизавета. – Давно ты при дворце?

Руслана помотала головой.

Оно и понятно, небось с наплывом красавиц возник немалый дефицит в прислуге, иначе б в жизни ей, полукровке с именем слишком чужим, чтобы не настораживало оно, не попасть в подобное место.

Да и теперь...

– Кто устроил сюда?

Щеки Русланы вспыхнули румянцем, и Лизавета поняла, что угадала верно.

– Не волнуйся, нет в том ничего дурного. Небось будь ты недостойна, не взяли бы на место. И протекция не помогла бы...

Руслана вздохнула.

И созналась:

– Дядька у меня тут... ламповщиком работает при покоях цесаревича.

Лизавета покивала: большой человек. Может, не столь большой, как лакейские, а все одно важный, по нынешним-то временам, когда керосиновые лампы сменились электрическими, то и вовсе незаменимый. Потому и согласился камер-фурьер на махонькую просьбу, принял племянницу, правда, пристроил ее к девице поплотнее, небось надеясь, что капризничать та не будет.

Лизавета и не собиралась.

Цокнула языком и сказала:

– Сложная у твоего дядюшки работа... умный он, должно быть.

От похвалы Руслана расцвела. Зашебетала... и как-то сама вот, легко...

Дядька у нее не просто умный, а страсть до чего умный. Он прежде мастерскую-то держал, чинил и лампы, и игрушки, какие приносили. И сам делал. Вот Руслане сделал такого медведя, которого заводишь ключиком, и он бревно будто бы пилит. А уж после дядьку заприметили и сюда пригласили.

Сперва-то соседи не больно верили.

Где это видано, чтобы человек подлого сословия да в царский дворец без протекции попал? Думали, погонят, только нет, дядюшка скоренько пообжился. Он и уважительный, и из себя весь серьезный.

Ему форму выдали.

С шинелькой и сюртуком таким. Как родителей навещать приходит, то прямо вся улица ихняя сбегается поглазеть. И девки выются перед дядькой, только он на них не глядит, потому как знает: балаболки. Раньше-то посмеивались, дурачком полагали, только теперь всем видно, кто взаправду умный.

Сама Руслана что?

Нет, грамоте ее обучили, хотя маменька и не радовалась, когда в приходскую школу позвали. Она-то сама читать-писать не умеет – у них там иначе все, а Руслане нравилось в школе. Правда, там смеялись, дразнились немыткой, а у нее кожа темная просто.

С рожденья.

Руслана ее и крапивным листом мыла, и молоком терла, только... дядька смеялся. А после сам тятеньке предложил, чтоб Руслану ко дворцу отдал. Мол, пристроит куда, скажем,

на кухню или еще... работа, конечно, нелегкая, однако же платят немало. Скоренько себе на приданое скопит. А коль на хорошем счету будет, то и туточки жениха себе сыщет.

Дворцовые-то приучены своих брать.

Тятенька сперва не хотел.

Только у Русланы сестер семеро, небось на всех сапожник не заработает. И сама она при-
томилась дома: шумно там. Сестры то кричат, то плачут, то косы дерут, то мирятся... Маменьке
помогать надобно. Дом убирать надобно. Порядки блюсти. Готовить.

За меньшими глядеть.

Зулейка-то просватана, сидит, ничегошеньки не делает, матушка ее бережет, любимицу.
И Фаине с Фирузой работы не дает: к одной купеческий приказчик повадился захаживать, а на
другую и вовсе городской поглядывает с немалым интересом. Они-то красивые... а Руслана
– так себе.

Дворец?

Нравится, конечно. Как тут не понравиться... и вовсе не на кухню взяли. Сперва ком-
натным женщинам помогала, особенно одной, Аглае Никитичне. Она-то строгая, и рука у нее
крепехонька. Одного разу, когда Руслана еще только-только пришла и местных порядков не
ведала, так за уши оттащила, что Руслана думала – вовсе оторвет. Но за дело, конечно... а так
справедливая.

Она за Руслану просила, чтоб приставили к кому.

И советом всегда поможет...

Красавицы?

Ага, как только слухок пошел, что конкурса эта будет, то и стали съезжаться... как? Да
кто как... одни вон с мамками и няньками, со сродственницами бедными, которые в услужение
поставлены, с девками дворовыми, лакеями... иные и с выездами собственными. Но это у кого
покои дворцовые есть, а другие-то попроще... вон княгиня старая Одовецкая с внучкою своей
явились. Покои им преогромные поставлены, а при княгине лишь кормилица старая, которая
едва-едва ноги переставляет. Только, конечно, им скоренько выделили и гардеробщика, и двух
комнатных, и лакея... говорят, что цесаревич на Одовецкой женится.

Или на Таровицкой.

Та-то красавица редкостная. Глянесь – сердце обмирает... Руслана видела? А то, все
дворцовые выходили поглядеть, кто так, а кто тишком, хоть издали. Но она добрая, Тарасика,
кухонного мальчишку, который под ноги почитай выкатился, рублем одарила. Он теперь этот
рубль за щекою носит, чтоб не сперли. А Солнцелика... ага, так ее называли...

Красиво.

Страсть.

Она лицом бела-бела. Губки красные, что малиной мазанные. Глаза синие-синие... и
волос золотой, почти как у императрицы... только у императрицы золото настоящее, а...

Руслана ойкнула и рот руками зажала.

– Золото? – Лизавета сунула палец в ухо. – Золото – это красиво... у меня вот рыжие.

Она дернула за локон, который выбился из прически. Никогда-то их не способны были
удержать ни шпильки, ни воски, ни даже специальная сетка, которую следовало надевать на
ночь именно во усмирение волос. Сетку тетушка презентовала, и Лизавета честно проспала в
ней несколько ночей, получивши наутро изрядную головную боль, но и только.

– Ой, барышня... – Руслана явно смутилась, хотя не понять, с чего бы. – Я шла вас звать
до обеда... сами все и увидите.

Императрица-матушка, устроившись на низеньком стульчике, чесала волосы. Нет,
конечно, для того у нее существовали свои, особо доверенные люди, но все одно привычное
ощущение гребня в руках успокаивало. А на сердце было... неладно.

Это ложь, что змеевны сердцем холодны.

Недоброе затевается.

Опасное.

Скользит гребень, будит живое золото, и коса наливается знакомой тяжестью. Того и гляди, коснутся голой земли волосы и упадут под власть батюшки строгого. Нечего думать, пусть и лет прошло изрядно, да не простил побега Великий Полоз.

У него-то как раз сердце каменное, не разжалобить слезами, не растопить горячею душой.

И потому нечего звать.

И о помощи не попросишь.

Точнее, попросить-то можно, и придет он, но цену назначит... императрица прикусила губу. И сама же к двери повернулась, встречая гостью.

– Вечера доброго, Властимира, – сказала она сердечно и руки протянула, коснулась холодных ладоней княгини. – Я несказанно рада видеть тебя вновь.

И ударилось, застучало сердце человеческое.

– А ты по-прежнему хороша, змеевна... – Властимира знала правду.

И молчала.

Столько лет... раскрой она рот и... многие заплатили бы ей за правильные слова. Змеевым детям среди людей не место... но молчала. Не стоило обманываться: не из любви к императрице, но из понимания: ничего хорошего новая смута не принесет.

– Такова наша судьба. – Императрица протянула гребень. – Хочешь?

И Властимира приняла.

Коснулась волос сперва с робостью известной: тепла была сила золотая, но и переборчива. Не к каждому человеку шла, однако на руки Властимиры отзывалась.

– Спасибо...

Многое Великий Полоз дал детям своим.

Не старела императрица.

Не считала времени, разве что вместе с любимым, ибо знала: наступит однажды срок уходить, пусть не с ним, но от дома опустевшего. Уйдет Александр, тогда-то и не удержат вес золотой косы палаты царские, и сынов голос не перекроет зова отцовского...

Она знала.

И готова была. И не боялась отнюдь, ибо там, в царстве подземном, была и ее сила, которая и ныне, ослабленная, замороченная, но все ж тянулась к хозяйке. И к людям... люди были теплы, не все, конечно, но вот княгиня Одовецкая была из тех редких, кого сила привечала.

А раз так...

Почешет княгиня императрице волосы и, глядишь, прибавит здоровья. Забьется ровней уставшее сердце, морщины сами собой разгладятся, и тьма, душу окутавшая, если не развеется, то все ж перестанет казаться вовсе непроглядною.

– А он...

– Неужто я своего мужа не сберегу? – ответила на невысказанный вопрос императрица.

А княгиня пожала плечами. Не то чтобы нелюди не верила, но...

– Слухи ходят... не верить?

– Не верь.

– Но молчать?

– Молчание – золото, у вас ведь так говорят, верно?

– А у вас?

– У нас золото поет. Оно разным бывает... в синих горах Аль-Агуль родятся алые жилы, сперва они как кровь человеческая, но после цвет остывает, однако огонь не уходит никогда. Это золото тянется к людям... и тянет кровь. Злое оно... а есть светлое, лунным теплом укрытое... или вот темное, у него голос глухой...

– Скучаешь? – Княгиня отложила гребень.

– Порой... Здесь все иначе.

– Не жалеешь?

– Нет, – на этот вопрос императрица-матушка ответила давно, да и отвечала себе вновь и вновь, особенно в те долгие зимние ночи, когда сны ее тревожил все тот же лунный свет. Проникал он сквозь узорчатые стекла, просачивался сквозь мягкие складки портьер и пробирался в сны.

Он тревожил память.

И ныла она, ныла... разливала молочные воды Алынь-озера, и камень, на котором змеевна любила сиживать в девичестве, выглядывал из воды. Одинок он был. И озеро тосковало. Не растекались по нему золотыми змейками пряди волос, не играли в них безглазые подземные рыбины, украшая бисером жемчужным. Не трясли драгоценною пряжей пауки-вдовицы, норовя укутать обнаженное тело змеевны...

И жилы осиротевшие звенели сотнями голосов.

Звали.

Ждали.

Когда-нибудь да дождутся. Короток век человеческий, и сколько ни дли его, но рано или поздно оборвется нить. Тогда и... Может, будь она человеком, подобная мысль и мучила бы, но императрица с привычной легкостью отмахнулась от ненужных сомнений.

– Так зачем позвала? – Властимира разглядывала руки свои, которые были белы да гладки. Провела ладонью по ладони, ласкаясь.

Вздохнула.

– Узнать хочу, нужна ли помощь.

– Помощь?

Императрица отвернулась от зеркала, выращенного ею еще тогда, много лет назад. Немного неровным вышло по краю, но так даже лучше.

Драгоценные друзья поблескивали.

Или вот светили.

– Мне следовало предложить ее много раньше, но... я плохо знала людей. Мне сказали, что ты захотела уйти, и я дала тебе свободу. Однако сейчас понимаю, что следовало предложить иное.

– Что же?

Властимиру зеркало отражало, правда, иную, ту, которую помнило: чуть моложе, и с волосами, лишь тронутыми сединой. Нынешняя вся была бела, но спину держала ровно. И взгляд светлых глаз ее – точь-в-точь водица в клятом озере – оставался безмятежен.

– Помощь. Защиту тебе и твоей крови. Дом... не знаю. Просто спросить, чего ты желаешь...

– А если мести? – Властимира слегка склонила голову.

И отражение ее пусть и несколько неспешно, но повторило жест. Будто одолжение оказывало.

– И мести тоже.

К мести императрица относилась с немалым уважением: все ж змеевы дети память имели предолгую, особенно на обиды учиненные.

– Расскажи, ты полагаешь, будто Таровицкие виноваты?

И Властимира вздохнула.

Провела ладонями по лицу, словно снимая маску холодной, уверенной в себе женщины. Та, что ныне предстала перед императрицей, несомненно, была больна. Чем? Императрица затруднилась бы сказать. Она чуяла муку, терзавшую сердце, и сомнения, и многое иное.

– Я... не знаю. – Властимира, не дожидаясь дозволения – всегда-то она отличалась вольным характером, – присела. Взяла со стола яблоко. Принюхалась. – Если бы я была уверена... я бы... не стала так долго ждать.

Яблоко она покатила с ладони на ладонь.

Отерла о темное платье.

Коснулась губами, будто целуя налитой полосатый бок, и уронила внезапно ослабевшею рукой.

– Что произошло?

– Не знаю...

– Но Таровицкому не веришь?

– Он прибрал к себе наши земли... соседка, чтоб его...

– Спросить ответа?

– А и спроси. – Княгиня яблочком любовалась. – Все одно узнает, что к тебе ходила, а так причина какая-никакая...

Императрица кивнула. Верно, ни к чему князя попусту волновать, если за ним есть грехи посерьезней, то... Одовецкая от своего не отступится. А та не спешила приступить к рассказу...

– Он ведь Ясенку мою и вправду любил... так мне думалось. И да, было время, я, грешным делом, думала, сладится все... Довгарт тоже Ясенку привечал... невестушкой называл.

– А она?

– Сперва не против была... они с Дубыней друг друга давно знали, почитай, с малых лет вместе. Рядом, все ж места такие, где за соседей держишься, и с Таровицкими мы не одну сотню лет рядом прожили. Даже... впрочем, не важно, – вздохнула, коснулась полупрозрачными пальцами виска. – Все не могу отделаться от мысли, что, выйди она за Дубыню, ничего б не случилось...

– Или случилось бы. – Императрица коснулась драгоценного зеркала, и плотная каменная поверхность его дрогнула, пошла рябью, показывая Дубыню Таровицкого.

Хорош.

Волос темный. Лицо гладкое. Черты островаты, и чем-то он на птицу хищную похож.

– Если волк, то собакою не станет.

– Оно и верно, но... это просто... сердце. – Княгиня прижала ладонь к груди. – Пошаливает... Ясенка встретила тогда своего Тихомира, сама перед Дубыней повинулась. Сказала, что он ей как брат старший и всегда останется, а сердцу не прикажешь. Тебе ль не знать.

Императрица знала.

Не прикажешь, истинная правда. И когда сердце это, теплым янтарем в груди сидевшее, вдруг вспыхивает болью, и когда вскипает золотая кровь в жилах, а роскошные – куда местным красотам – палаты становятся тесны и темны...

Она понимала.

– Он злился, конечно, но... против нее не пошел. Вот Довгарт, тот крепко гневался. Обвинил меня в обмане. А какой обман? Мы ни в храме слова не говорили, ни бумаг не составляли... Требовал, чтобы я девку урезонила. Только... я не хотела, чтобы как со мной.

Не можем.

И выходила дочь Великого Полоза к проклятому озеру.

День за днем.

Ночь за ночью.

Мыла чудесные волосы свои в живой воде и ждала, ждала своего человека... дождалась.

– Я ему так и ответила, невозможному человеку этому, что, мол, не будет счастья без любви, что не стану Ясенку неволить, знаю, каково это с... она ведь не я, сильнее, и слушать не станет. А попробую приневолить, сбежит... если и вовсе... кто я ей? Матушка потерянная.

Он же мне ответил, что пороть никогда не поздно, а девок слушать – глупость невероятная. И я, стало быть, дура, если позволяю так с собой...

Она вернула яблоко на стол и отерла руки кружевным платочком.

– Мы, помнится, крепко поругались тогда, но... он заявил, что видеть меня на своих землях не желает. А я ответила, что и ладно, но пусть не зовет больное сердце силой подпитать, все одно не приеду.

Усмехнулась невесело и призналась:

– Правда, если б позвал, полетела бы...

– Не позвал?

Покачала головой.

– Нанял целителя... толкового довольно, я узнавала. Я ему после тишком рассказала, за чем следить, а там аккурат Смута началась. До наших краев она добралась, да какой-то слабою. У нас тяжело бунтовать, потому как выставят за ворота и рассказывай волкам о равенстве. Нет, наши земли порядок любят. Да и помещный люд все ж иной. Тот, который дурного нраву, долго не задерживается на свете Божьем... после уж я письмецо получила от подружки старой. Та снова ко двору звала... я и поехала. Чего, подумала, молодым мешать?

Княгиня смолкла, глянула в зеркало: Дубыня прогуливался по саду с дочерью своей. И говорил что-то. И голову наклонял, ответы слушая, и улыбался так хорошо, светло...

– Да и... слышала, что Довгарт отличился... был жалован... знала, что Дубыню своего он женил... подумала, грешным делом, замирился. Что старые обиды лелеять? Соседи же... он на мои письма не отвечал, дуболом старый. Но в глаза я б ему сказала.

– Сказала?

– А то. – Княгиня провела пальчиком по брови, выравнивая. – Сказала... как есть сказала... и что упрямец он, и что дуболом... разве ж можно в войну лезть с сердцем слабым? Вернулся... привез с собою царскую милость, а еще подагру и кости ломаные... на Гнилополье был, аккурат под мертвую волну попал, после ногу ему отняли, правую. Как выжил? Небось только норовом своим отвратным.

Сказано это было раздраженно, но без гнева. А императрица постановила себе справиться о здоровье старого Довгарта.

И о прошлом его.

Чего-то недоговаривала княгинюшка, то ли волей, то ли невольно, страхась самой себе в том признаться. Ох, запутано у них все...

Люди, что тут скажешь.

– Кричать на меня вздумал, вазами кидаться... я его, балбеса, скоренько успокоила. И ногу ему отняли неудачно, оттого и боли мучили... поправить все можно было, только опыт требовался.

Который, надо полагать, у княгини был.

– Мы тогда частенько виделись... я с ногой его работала. Там кости в уцелевшей ломать пришлось да составлять наново. А в отнятой... тоже хватало. Он терпел и ворчал... и рассказывал. Как-то даже повинился, мол, что уж больно обида за сына взяла. Испугался, что Дубыня теперь одиноком станет, как он сам едва не стал. Но нет, тот невестушку себе подыскал. Вроде как из простых, но уже за то, как она на Дубыню глядит, старый ворчун готов принять был...

Вздых.

И признание:

– Не было у них причин мстить. Вот клянусь, не было... еще смеялись, помню, что нам неспроста девок Бог послал... а потом известие пришло... мор начался...

– И ты уехала.

Императрица позволила зеркалу отпустить Дубыню. Ах, если б еще послушать, что он говорит своей дочери-красавице... она и вправду хороша, и тиха, как сказывают, и добра, и неглупа.

Слишком много достоинств для одного человека.

Или ревность то говорит? Не готова она сына отпустить? Разделить с кем-то и оборвать еще одну тоненькую нить, что удерживает ее в мире людском?

Глава 9

– Беспокойно было... я знала, что Ясенька с мором справится, она хорошая целительница. Да и муж ее силой немалою отличался, но... – Княгиня поднялась и повторила: – Беспокойно было... и знаю, что мор порой упрямый... он легко с земли на землю скачет, особенно летом если...

Она остановилась перед зеркалом, но то, то ли уставшее, то ли обиженное на хозяйку, притворилось камнем. Только на алмазной поверхности нити сапфиров проросли, будто жилы водяные. А вот и изумруды потянулись россыпями, притворяясь лесами...

– Да... наша Онежка. – Княгиня ласково коснулась реки. – По ней многие сплавляются, а где сплав, там и люди... и скорость... по реке спуститься быстрее, нежели в наших краях дороги искать. И одного больного хватит, чтобы зараза растеклась...

Она глядела на синие ниточки задумчиво, будто подозревала, что волшебное зеркало знает ответы.

– Целителей там немного... знахарки большей частью или вот ведуньи порой случаются. Так что пригодилась бы и моя сила. Потом уж я узнала, что Дубыня меня на пару дней всего опередил... он летел, вовсе не останавливаясь... коней запалил. Сам... я видела его там. Я помню.

И она коснулась-таки драгоценной поверхности, а та пошла рябью, принимая от человека редкий дар памяти.

Тот Таровицкий был похож и не похож на себя.

Грязен.

Темен. Волосы слиплись, склеились то ли салом, то ли гарью. На них пепел сединой лег. А на лице его ожог краснел, вздулся волдырями. Глаза запали, черты лица острее сделались. И губы скривились, точно в оскале...

– Он встретил меня на пороге моего дома... тот уже догорал... и горел хорошо, простой огонь не справится, а Дубыня...

Огневик.

– На руках он Аглаюшку держал... мне ее отдал сразу. А сам... он сказал, что виноват... он признался... признался...

Зеркало поблекло, подернулось темным камнем, будто запираясь от людей с беспокойной их жизнью.

– А уж после... в том пожаре погибли все... все, кто при доме был, кроме Аглаи... а она... она только и могла сказать, что дядя пришел и забрал ее. Страшно ей было. И страх этот всю память вытеснил. Она... она до сих пор пытается вспомнить.

– Не выходит?

– Не выходит... огня вот боится... однажды руку обожгла, так припадок нервический случился. Три дня в постели провела. И после кошмары долгехонько мучили, только, проснувшись, не помнила какие... а он... я задавала вопросы, я... он сказал, что дом уже горел, он только и сумел – девочку вытащить. Я... поверила... сперва.

Княгиня стиснула кулачки, сухонькие, обманчиво-маленькие.

– Он помог устроиться... он взялся вести дознание, потому что... такой пожар... только кости и уцелели... и я спрашивала его людей... его людей вдруг стало много. Откуда взялись? А он лишь отмахивался, мол, не важно. Меня в усадьбу свою препроводил с почетом... обустроить велел.

Судорожный вздох.

– Я сперва думала... нет, вру. Не думала. Сердце болело, да и Аглаюшке то и дело дурно становилось... она подле меня только и жила. А стоило отойти, как криком кричала, белела

вся, а отчего – не говорила. И плакать не плакала. Я тоже. Может, когда б слезы пролили, оно бы и полегчало, но... не умею я.

Княгиня кулаки разжала, положила ладони на колени. Только пальцы ее слегка подрагивали.

– Не могу сказать, когда появилось это ощущение... и почему... верно, я слишком хорошо знала Дубыню, вот и... он говорил... рассказывал про мор, который вспыхнул вдруг в трех деревнях, прошелся косой, не оставив никого живого... не понимаю, почему Ясенька медлила...

Пальчик императрицы задумчиво скользил по друзам камней, которые вспыхивали и гасли. Искры уходили в зеркало. Жаль, что сил ее нынешних недостаточно, дабы заглянуть так далеко.

Вот прежде, в прошлой жизни ее, которая текла медленно и неторопливо рекою полноводной, она сотворила себе целую пещеру драгоценных зеркал. И показывали они вещи удивительные...

– Главное, записки не уцелели... мор пошел Вяжским трактом, а уже когда добрался до Вышгорода, ослабел, каюсь, тамошние целители его остановили. Хотя все одно... я после беседовала с мальчиком... хороший, талантливый... в Вышгороде случайно оказался, родителей навещал.

Княгиня окончательно справилась с собой, голос ее сделался сух, безэмоционален, только яркие иглы горя в груди не погасли. Сидели кусочками острого гранита, раздирая слабое человеческое сердце. Но императрица прикрыла глаза: пусть ей дано видеть больше, нежели иным, к чему говорить об этом?

Людей смущать.

Люди как-то очень уж дурно переносят собственные слабости.

– То, что он описывал, мне не понравилось... болезнь проявлялась не сразу. Люди ходили, дышали, говорили... чувствовали лишь легкую слабость. А после вдруг вспыхивали жаром. Тело покрывалось темными язвами. Разум туманился. Одни впадали в безумие, другие становились яростны, не отдавали себе отчет... и главное, что спасти их было уже невозможно. Несколько часов, и... – княгиня провела пальчиком по щеке, – наступала смерть.

Императрица слушала.

Нет, змеевым детям случалось болеть. Бывало, истощались драгоценные жилы или, утрачивая связь с кровью полозовой, вдруг уходили в землю, а сама она словно глохла. И тогда гас свет в крови, а сама она густела, и тело медленно превращалось в камень, рождая искру новой жилы.

Однако люди... люди болели чаще.

Больше.

И причудливей. Их горячие тела на проверку оказывались столь хрупки, что императрица прежде диву давалась, как народишко этот вообще сумел выжить.

И не только выжить, но заселить все известные земли.

– Вышгороду повезло с этим мальчишкой. Он сумел создать зелье, которое приостанавливало развитие болезни. И да, пусть работало оно лишь с теми, кого только-только коснулась зараза, но все же... выжила половина. Я своей волей выдала мальчику грамоту... и представила к титулу... подавала прошение.

Императрица рассеянно кивнула: прошения подавали каждый день.

И титулов просили.

Земель.

Денег.

Но от Одовецкой... надо будет сказать Лешек, пусть проверит, было ли и куда подевалось.

– Я разберусь...

– Этот мальчик остался при мне... все ж не смог больше... семью свою он не спас, да и слишком много было иных, ушедших... он умненький, я его привезла...

– Хорошо.

– Мы... долго искали... не бывает такого, чтобы зараза взялась из ниоткуда... ничего нового не бывает... мы нашли... с этой болезнью люди сталкивались и прежде, правда, давно... уже не одну сотню лет никто не слышал о черном ветре... его боялись. О нем писали как о гнев Божьем. Он вдруг вспыхивал то тут, то там, унося с собой сотни жизней. Он не щадил ни богатых, ни бедных, ни обычных людей, ни магов... он просто случался. И пугал настолько, что подозрения одного хватало, чтобы вершить суд... я нашла описания. Со страху люди жгли других людей. Запирали в домах и убивали, полагая, что лишь пламя способно очистить. А другие люди запирали уже города и деревни. Жгли, травили... стреляли издали. Я не знаю, помогло ли это повальное истребление, но... болезнь ушла. С ними порой случается подобное.

Мор... императрица слышала уже про красный, который захаживал с юга, оседлавши горячие местные ветра. Этот искал жертв среди женщин, касаясь легонько кожи белой, обжигая и уродуя.

Про желтый, пришедший из страны, где люди желты, будто высечены из морского камня. Этот переборчивостью не отличался. Он умел скрываться, проникая в тела, сжигая печень, и лишь когда человек желтел, становилось ясно. И поздно.

Про зеленый, живший в воде и изводивший людей безостановочной рвотой.

Много их было. Время от времени болезни вспыхивали то тут, то там, заставляя людей молиться и искать спасения. И приходилось поднимать войска.

Организовывать беженцев, не желавших жить в отселении.

Искать целителей.

Убеждать.

Грозиться.

Порой – казнить, но это нечасто. Болезни пугали людей, делая их на редкость послушными. А спасение – благо целители человеческие дело свое знали изрядно – наполняло сердца подданных должным благоговением. Хватало его, конечно, ненадолго, но все же, все же...

– Болезни возвращаются порой, да... но не через столько лет... тогда же я задавала вопросы, а ответов не получала. Зато Дубыня настаивал, чтобы я вернулась ко двору. Мол, все равно нельзя усадьбу восстанавливать, мало ли какая зараза осталась в земле... и селиться рядом не стоит. Люди его разъезжали по окрестностям. И я, признаться, перестала чувствовать себя хозяйкой на землях своих. Крестьяне – люд темный, им сложно подчиняться женщине, особенно если вдруг появляется сильный мужчина. Они полагали меня старухой, жалели, но и только. А Дубыня... я затребовала отчеты, но вдруг оказалось, что они засекречены и ему нужно высочайшее дозволение. Мои же письма в столицу оставались без ответа...

Императрица склонила голову: писем она точно не получала.

– Когда я отказалась возвращаться, Дубыня потребовал, чтобы я осталась в его усадьбе. Он заговорил, что обязан позаботиться обо мне и Аглаюшке, что это его долг соседа, что произошло несчастье, что люди испугались, не иначе... Но в этом не было смысла! Зачем кому-то сжигать целителей? Единственную, по сути, надежду спастись?! Он привел ко мне какого-то мужичка, который каялся... мол, слышал, будто кто-то говорил, что все беды от усадьбы, что спалить ее надобно и тогда проклятие падет. Приволок и проповедника бродячего. Знаете, из тех безумцев, которые уверены, будто все беды от одаренных. Он назвал нас проклятием... и меня проклял... Аглаю и вовсе исчадием бездны окрестил. Несчастный безумец. И Дубыня хотел, чтобы я поверила, будто виноваты эти люди?

Возмущение княгини было искренним.

Императрица же... слушала.

Она не обманывалась: пусть прошли многие годы, но не настолько хорошо она успела изучить людей, чтобы разбираться в тонких движениях мятежных их душ.

– И дело не в том, что они не хотели... всегда найдутся те, кто желает зла, но... в поместье была охрана! И хорошая. Я сама подбирала этих людей, а Дубыня... – Властимира споткнулась на этом имени. – Он их обучал. И спрашивается, куда эта охрана подевалась в тот самый нужный момент? Я видела их... я пыталась спрашивать, только люди, которые должны были быть рядом с моей дочерью, теперь служили Таровицким... и исчезли. А Дубыня стал убеждать, что это я ошиблась... простолюдины все похожи с лица... может, и так, только я смотрю не на людей, а на болезни их. Они же всегда отличаются... и неушто я не запомнила бы осколчатый перелом левой локтевой? Совершенно уникальный рисунок. Я с этой костью, помнится, долго возилась. А он говорит, ошиблась... позже я поняла, что и из дома не могу выйти без навязанной охраны. Мол, заботится, а то хватает лихих людей в округе. Откуда, спрашивается, взялись? В наших местах таким не выжить...

– Ты ушла?

– Не скажу, что было просто. Я не ушла, я сбежала. Благо мне было куда... забрала Аглаю... написала тому мальчику... и своей старой подруге. В Костовецком монастыре для нас нашлось местечко. И монастырские архивы, к слову, и пригодились. Там мы отыскивали дневник матери настоятельницы, судя по всему одаренной, если она сумела пережить мор. Там мы и свидетеля нашли... при монастыре лечебница открыта была... – Княгиня поднялась, прошла, остановилась у окна, в котором отражалась сама, пусть и было отражение это бледным, полустертым. – Туда приходили те, кто не способен заплатить целителю... или просто верит, что монастырская лечебница лучше городской... как бы то ни было, именно там я встретила одну женщину, которая рассказала кое-что интересное. Незадолго до начала мора кто-то разорил старое кладбище. Местные полагали его проклятым и старались обходить стороной. Поговаривали, что возникло оно на месте деревни, которую полностью выкосил мор...

Княгиня помолчала, собираясь с мыслями.

– Мы... отправились посмотреть. И я даже не удивилась, обнаружив, что его больше не существует. Черное пятно, будто кто-то... хотя почему будто? Кто-то выжег саму землю, не оставив и пепла.

– Полагаешь...

– Почему нет? Раскопать древнее захоронение... Дубыня не целитель, но человек образованный, знает, сколь опасно рушить защитные чары. А их устанавливали, должны были... взломать и раскопать, дать шанс болезни. А уж после... я говорила себе, что это ненадежно, что есть куда более простые способы уничтожить соперника... если бы зараза не очнулась? Если бы так и осталась в земле? Столько лет прошло... да и... к чему? Правда, после поняла, что мало не бывает... мои деревни постепенно переставали быть моими. Нет, на бумаге я все еще хозяйка земель, только дело в том, что хозяйкою меня не считают. И веси, и города спокойно отошли к Дубыне. Таровицкие скоро заменили верных мне людей на своих. Установили порядки, не сказать чтобы дурные, но...

– Чужие.

– Верно, – согласилась Властимира. – А мне предложили обручить Аглаю с каким-то там родственником... мол, лучшей кандидатуры не найдем. Тогда-то я и поняла... бешеного волка досыта не накормишь.

Глава 10

С особами высокого положения Лизавету и прежде жизнь сводила. В университете, к слову, две трети студентов были титульными, а та треть, которая не была, во глубине души надеялась совершить что-нибудь этакое во славу отечества, чтобы титул оный получить. Да и сама Лизавета, чего уж тут, грешным делом мечтала, как она однажды погожим летним днем спасает...

Ага, саму себя от скуки буйною фантазией.

Она пробежалась пальчиками по пуговкам, проверяя, ровно ли лежат. Ленточки махонькие расправила. Скорчила своему отражению рожицу...

В университете оно как бы все не взаправду было. Там с большого глядели вовсе не на титулы, а вот в иных каких местах...

Взять хотя бы барона Отшакова, человека чинами облеченного, милостью императорской обласканного, а потому мало-мальски возгордившегося, решившего, будто единственно его слово верное. Ох и озлился он на Лизавету за то письмецо, которое она поверх отшаковской головы отправила, еще надеясь справедливости добиться.

Ох и кричал.

Грозился у самой Лизаветы паспорт забрать и вместо него билет санитарный выдать⁵, чтоб, стало быть, все знали, кто она по сути своей есть.

Тетушку довел.

А сам-то... ладно, ему про девиц непотребных все известно исключительно по должности, ибо санитарный инспектор, которым барон служил пятнадцать лет до того, как на повышение пойти, свой участок знать обязан. Но вот что супруга его мест зланных не чуралась...

Дочерей он и вовсе продал в крепкие, пусть и престарелые руки своего покровителя. Не посмотрел, сколько лет им... помнится, очень громким дело вышло.

И если б не снимки, иск газете грозил бы изрядный.

Выкинуть.

Забыть.

Не он первый, не он последний. Лизавете случалось повидать всякого, а потому... не в титулах дело, лишь бы люди хорошие были.

Так она себя успокаивала и все ж чувствовала себя самозванкою.

Шла вот, стараясь не шибко по сторонам глазеть – после полюбуется, приговаривала:

– Это работа... просто работа...

А идти получилось далеко, ибо дворец царский был преогромен – это Лизавета знала, но испытать на собственной шкуре – дело иное. И выходит, поселили ее в стороне... специально? Или же... она видела в том коридоре двери иные, прикрытые, порой подернутые пеленою сто-рожевых заклятий. Но только двери. А люди за ними есть?

– Прошу. – Руслана присела и тихо сказала: – Дальше мне ходу нет. Это чистая половина...

Лизавета, стало быть, на грязной обреталась?

– Вы в гостевом крыле, – объяснила Руслана, видя взгляд недоумевающий. – А тут начинаются личные покои... ее императорского величества.

Вот тут-то Лизавета и растерялась.

⁵ Санитарный билет получали проститутки, он служил им и удостоверением личности, и санитарной книжкой, в которой должны были проставляться отметки о посещении врача. Получить паспорт обратно на руки было практически невозможно.

Так растерянно и вошла в дверь, благо та распахнулась предружелюбнейше, словно сама Лизавета приглашая. А стоило ступить на янтарный пол, дверь-то и закрылась. Ударил палка, и чей-то голос над ухом провозгласил:

– Лизавета Гнёздина, баронесса...

Ох ты ж, божечки...

Было время, матушка приговаривала, мол, красоты много не бывает. И прежде Лизавета всенепременно согласилась бы с нею, а теперь вот понимала: бывает.

Еще как бывает.

Еще какой красоты... она вновь ощутила укол совести: куда ж ты полезла-то... а главное, зачем? Ведь понятно же, что нет у двадцатипятилетней особы, почти, почитай, старой девы со смутными жизненными перспективами, ни единого шанса против этих-то красавиц.

И понимала это не только Лизавета.

Она живо ощутила на себе взгляды. Одни – заинтересованные. Другие – полные непонятного раздражения. Третьи – равнодушные, пожалуй, так смотрят на птицу, случайно залетевшую окно, вяло любопытствуя, найдет ли она выход или же разобьется о янтарные стены.

– Доброго дня. – Она присела, как учила матушка, и улыбнулась.

Никто не отозвался.

Две девицы, стоявшие подле, демонстративно отвернулись, показывая, что не намерены тратить драгоценное время на некую сомнительного вида особу.

– И представляешь, он мне говорит, что у меня преочаровательнейшая улыбка, – нарочито громко произнесла светловолосая барышня в полосатом чайном платье.

– Ах... – Ее соседка взмахнула ручкой, за которой протянулась ниточка жемчужных бус. И коснулась губ. – Это так... трепетильно!

Лизавета огляделась. Комната больше не казалась такой уж преогромной. И кажется, Лизавета даже поняла, где находится: в Малой янтарной гостиной. Ибо где еще возможно подобное великолепие? Стены, выложенные из кусочков янтаря, казались укрытыми теплым аксамитом. И если присмотреться...

Лизавета повернулась.

И коснулась булабочки, запечатлевая красавиц, правда, в позах престранных. Одна вытянутая рука, с которой свисали жемчужные нити, чего стоит. Это ж диво неудобно... а вдохновенное лицо держать, так вовсе непросто. Но девицы старались.

Вон та, устроившаяся у окна с книгой, которую она держала вверх ногами, тоже показалась забавною. В книгу смотрит, рученькою машет, а за перчаткою короткой, по моде, тянутся разноцветные ленты. Тоже по моде?

Если так...

К слову, о моде... большая часть собравшихся была в нарядах легких, что объяснимо – все ж лето на дворе, – но каких-то... вычурных, что ли?

– Еще одна... – донеслось сбоку. – Что они все едут, едут... будто не понятно, что им тут не место, – произнесла девица в платье того свирепого розового оттенка, который редко кому идет. Отделанное блондом, платье подчеркивало модный ныне прямой силуэт, однако при том делало его чересчур... тяжелым?

Выражение лица девицы было мрачно.

И, уловив Лизаветин взгляд, она криво усмехнулась и сказала:

– Тебе говорю... как тебя там?

– Лизавета.

Девица отмахнулась веером, мол, это на самом деле не имеет никакого значения.

– Шла бы ты отсюда... и меня с собой забрала.

– Куда? – Лизавета хлопнула ресницами. Жизненный опыт подсказывал, что с особами скандальными спорить себе дороже.

– Откуда... отсюда. – Девушка раздраженно хлопнула веером по ладони. – Нечего тебе тут делать. – И повторила по слогам, громко: – Не-че-го! Поняла?

– Нет, – честно ответила Лизавета.

– Глупая, что ль? – уже много миролюбивей поинтересовалась девушка. – Бывает... у моего тятеньки тетка есть. А у нее – девка... ну тупая, страсть просто... ей человеческим языком говоришь, что дура ты, а она только кивает...

– Точно дура, – согласилась Лизавета, разглядывая новую знакомую уже с вполне профессиональным интересом. И та, польщенная вниманием – а внимание она, судя по всему, любила, – кивнула. И поинтересовалась даже:

– Ты откудова будешь?

– Оттудова, – Лизавета указала на двери, возле которых застыла неподвижная фигура младшего лакея. – А ты? Как тебя зовут?

Девушка молчала, продолжая разглядывать Лизавету. И выражение лица ее было каким-то... усталым, пожалуй.

– У тебя такое красивое платье... и камни... это ведь настоящие алмазы? Никогда таких не видела... – сказала Лизавета.

Девушка вздохнула.

– А то. – Она коснулась броши-банта, украшенной дюжиной подвесок с крупными камнями. – Папенька подарил. На удачу, стало быть... так и сказал, езжай, дорогая моя Авдотьюшка...

Она даже носом хлопнула и нос этот, не особо чинясь, перчаточкой вытерла.

– И отыщи себе жениха... в нашем захолустье женихов нормальных днем с огнем не сыщешь, – уже совсем освоившись, сказала Авдотья. – Вот я и подумала, а и вправду, чем оно не шутит? Папенька-то меня и так ко двору бы вывез, да все дела... он у меня знаешь кто?

– Не знаю.

– Генерал!

– О! – с должной толикой восхищения воскликнула Лизавета.

– А то... правда, заслали аж на Пяльшь, а там скукота редкостная... всего развлечений, что тетеревов пострелять. Или вот на татарву поохотиться... ты стрелять любишь?

– По тетеревам? – уточнила Лизавета просто на всякий случай. А то, сказывали, на границах всякого рода развлечений хватало, о которых людям мирным знать не следовало.

– А хоть бы и по тетеревам... я туточки вторую неделю маюсь, совсем извелась... тетка, как узнала, сразу тятеньке письмецо отбила... вон моя сестрица двоюродная... я ж знаю, что не за меня тетюшка беспокоилась, само собою... небось свою Дешечку пристроить получше желает, только у них-то самих денег нетушки. А у тятеньки довольно... он для меня ничего не жалеет. Как узнал про конкурс этот, так сразу и велел собираться... портал купил.

Лизавета с уважением присвистнула, чем заработала одобрительный кивок Авдотьи.

– А то... я бы и поездом, успевала все одно... коня б не бросила... я своего Соколика еще жеребенком взяла, сама растила, сама поила... лучшего жеребца во всей империи не сыскать. Так нет же, уперся, папенька в смысле, а с ним, как упрется, только маменька и могла сладить. Адьютанты не справляются... дал магию тысячу рублей, тот и рад стараться... а у тебя тятенька, стало быть, граф?

– Барон. Это бабкин титул, а родители... – Лизавета почувствовала, как привычно заныло сердце. – Нет их больше...

– Померли?

– Да.

– Давно?

– А какая разница?

– Действительно. – Авдотья следила за кузиной, девицей, следовало сказать, премиленькой, того хрупкого образа, который многим мужчинам видится воплощением всех женских идеалов. – Ишь ты... к Таровицкой прилипла... поверила, что та в императрицы выбьется...

– Таровицкая – это...

– Видишь? Вон там, у колонны... в таком синем платье...

Темно-синем, почти черном. Еще немного, и платье показалось бы слишком уж темным, почти откровенно вдовьим, но, удивительное дело, оно лишь подчеркивало воздушную хрупкую красоту девушки.

– Только и шепчутся, что, мол, весь конкурс и нужен, чтоб ее народу показать... для того и придумали. – Авдотья оперлась на подоконник, охнула, поправила платье, которое задралось с одной стороны, и махнула рукой.

– Думаешь?

– Мой батюшка говорит, что сперва уж диспозицию изучить надо толком, а после теории с планами строить.

Таровицкая, окруженная свитой из двух дюжин красавиц, выглядела истинным совершенством. А так не бывает. То есть в сказках возможно, но...

– Она со всеми приветлива, никому худого слова не скажет, только и приблизить никого не приближает... все наособицу, наособицу... служанок и тех привезла. Мне вот не разрешили Малашку оставить, но я ж не княжна... не знаю... может, оно и вправду... пожелай Лешек ее взять, так ведь мигом старые поднимутся, припомнят и происхождение простое, и мамку подлого сословия... и еще чего... народишко взбаламутят. А вот коль народишко этот сперва к царской невесте расположением проникнется...

Будет совсем иной коленкор.

И Лизавета посмотрела на княжну Таровицкую по-новому.

– А там, видишь? – Авдотья, уже полностью освоившись, подпихнула новую знакомую локтем. – Стоит темненькая такая, глазами зыркает? Это Аглая Одовецкая, она Таровицких на дух не переносит. И есть с чего... говорят, они усадьбу Одовецких сожгли и почти все земли прибрали. Глашку небось тоже извели бы, только старая княгиня еще та лиса, забрала внучку и скрылась... где пряталась – никто не знает. Теперь вот объявилась. И вчера была у императрицы, небось за внучку просила... прежде-то, тятенька говорил, Одовецкие крепко в силе были. Даром что целители, а при троне стояли, а уж старая княгиня и вовсе императрице верной подруженькой была. Так что, может, Таровицкие зря и надеются. Как бы Одовецкие корону не прибрали. Эх, жарко туточки, вся взопрела. – Она помахала веером и призналась: – Бесит.

– Что?

– Все... стоишь тут корова коровой... а эти вон... смеются... думают, что раз я на границе выросла, то дурища... у меня тоже гувернантка, за между прочим, имелась... правда, ее после татарва скрала, но сама виновата, нечего было по ночам на свиданки бегать. Ей говорено было, а нет... тятенька ее после сыскал, только возвращаться она не захотела. А другие не поехали. И из пансиона меня выгнали...

– За что? – удивилась Лизавета.

– Да... за дурость... довели меня. – Авдотья тяжело вздохнула. – И кузина эта... вечно ходила, глазки в пол, такая тихоня... все хвалят, а у меня норов. Папенькин. Вот и... как-то оно вышло, сама не знаю... побила я ее. Немного. Волос подрала... эта в слезы, и другая дура тоже... все верещать стали, что меня боятся... будто я кого первой трогала... туточки тоже... говорю ж, не место тебе. Сожрут.

– Посмотрим. – Лизавета наблюдала за княжной Одовецкой, которая, в свою очередь, не сводила взгляда с княжны Таровицкой, а уж та, в свою очередь, довольно-таки ревниво следила за бледненькой, если не сказать вовсе блеклой девчушкой.

– А... это Снежка. – Авдотья тоже проследила за взглядом. – Тятенькиного старинного приятеля дочка... ее зовут Асинья... красиво, да? Только наши все одно переиначили... ее тоже в жены царевичу прочат...

Не многовато ли у царевича жен?

Нет, будь он из турков или, паче того, асаров, у которых, сказывали, жен может быть четыре, а наложниц и того больше, всем бы место нашлось. Но трон один.

И обычай.

И стало быть, конкурс будет куда интересней, нежели Лизавета предполагала.

– А она...

Авдотья рученькой махнула.

– Тихая она, блаженная... матушка ейная не из наших... ну, не из людского племени...

Вот это и вовсе неожиданно.

– Тятенька сказывал, что случилась с его приятелем беда, только не сказывал какая... то ли заблудился, то ли волки сожрали... не до конца, – уточнила Авдотья, поняв, сколь нелепо звучит история. – Главное, что он бы не выбрался, когда б не дева лебяжья. Полюбил он ее крепко, в жены взял... правда, только по их обычаю. Небось ихнему народу в церкву путь заказан... только странно... императрица-то ходит.

– Императрица?

Авдотья посмурнела, огляделась и шепотком произнесла:

– Она тоже, бают, не совсем чтоб человек... может, полукровка какая... но лучше об том помалкивать. А то ж...

Лизавета кивнула: и вправду, об императрице помалкивать оно как-то правильной будет. А вот к княжне юной, застывшей у окна, она приглядится.

– Не, Снежка не злая и не подлая. Она иная просто... к нам когда гостевать приезжали, я ее в сад выведу, она сядет перед цветочком каким, вперится взглядом и сидит, сидит... Спросишь: чего? Она и скажет, мол, смотрит, как растет... наши-то ее чурались, обижали... пока я одну дуру языкастую за косы не отгаскала. Небось от сплетен вреда куда больше, чем от Снежечки... правда, в последние годы тятка ейный крепко прихворнул, вот и не заезжали... и выросла... я к ней подошла, думала, хоть с кем поговорить будет, а она только глянула и отвернулась.

Асинья, на старом языке, который преподавали исключительно факультативно, но Лизавета записалась, уж больно красив он был, да и в деле нужен, – значит Снежная. И вправду, Снежная.

Белоснежная.

Кожа аж светится, волосы искрятся. И черты лица неуловимо... иные? Вот Асинья руку протянула, коснулась нежно, будто опасаясь прикосновением этим разрушить что-то, видимое лишь ей, колонны и янтарь побледнел, подернулся изморозью.

Асинья же руки убрала за спину.

Оглянулась, не видит ли кто.

Видит, но...

Пока об этом писать не стоит.

– Те вон за женихами приехали... – Авдотья указала на стайку девиц, одетых в схожие, пусть и разных колеров платья. – Знаю их по пансиону... не лезь, дуры и безмозглые. Гадостей наговорят, будешь потом отплевываться – не отплюешься... вон там тоже графинюшки... из знатных, Бержана еще ничего, не горделивая, а вот сестрицы ее...

Она продолжала показывать и рассказывать, изредка поднимая крыло веера, весьма массивного, сделанного под руку ее:

– Эти князя Навойского хотят заполучить... ага, даром что худородный, зато в милости царской. Только папенька баил, что милость – дело такое, сегодня есть, а завтра нет... Но князь ничего, хитрый, вывернется...

Лизавета, подумав, согласилась: этот всенепременно вывернется.

Глава 11

Вышеупомянутый князь Димитрий Навойский пригнулся, пропуская над головой золотой кубок. Тот, пущенный мощной государевой рукой, пролетел мимо, дабы, ударившись в стену, плеснуть каплями красного вина на ковер драгоценный.

– Вон пошел, – велел устало царь-батюшка и руку поднял, в которую мигом другой кубок вложили и вином наполнили до краев. – И чтоб я тебя, прохвоста, больше не видел... езжай... куда-нибудь... привези там... чего-нибудь...

В светлых глазах царя мелькнули искры да погасли. Он кубок сунул кому-то, сам будто обмяк, пожаловался:

– Ни совести, ни ума...

Князь, пользуясь моментом, тихонечко вышел и дверь притворять не стал, чтобы и те, кто в коридоре, слышали:

– Я к нему со всей душою, а он воровать вздумал...

Сонм голосов поспешил заверить его императорское величество, что подобные грехи случаются и с лучшими из людей, что уж говорить о том, в чьих жилах половина, если не больше, подлой крови... Царь слушал. Соглашался. Порой рученькой махал.

И Димитрий удалился со всей поспешностью, изволив напоследок громко дверью хлопнуть, чтоб ни у кого не осталось сомнений в обиде его, бестолкового, на благодетеля.

Чуть позже в конюшне оседлали черного жеребца эльзарской породы – пусть ему изрядно не хватало изящества, зато был Прохвост вынослив и, что немаловажно, умен. Еще несколько бездельников стали свидетелями скандала, учиненного князем старшему конюшему.

Нашлись и те, кто видел, как ввапший в немилость – новости по дворцу разносились, что пламя по сухому лесу, – охаживал плеткою коня, который летел по аллее.

И те, кто едва ль не до ворот проводил.

Правда, позже показания разошлись.

Одни уверяли, что князь повернул на север, стало быть, отправили его в Архбельск, ладить отношения с северянами, которые в последние годы сделались холодны и надменны, не иначе пакость затевали. Другие, напротив, клялись, будто направили его на южные границы, где всегда было беспокойно, и следовательно, скорого возвращения ждать не стоит. Третьи настаивали, что князь отправился к ляшской границе, не иначе как родину продавать по сходной цене, правда, сами же, смущаясь, добавляли, что от ляхов ее ждать не стоит. На редкость скаредный это народец.

В общем-то правы были все.

Вороних жеребцов эльзарской породы было не так уж мало, а отыскать человека, сходного с князем фигурой, да обрядить его в одежду нужную – и того проще. Главное, князь уехал. А во дворце царском появился еще один писарь, человечек обличья невзрачного и натуры, как водится, преподловатой. Отчего-то подобная напасть частенько с писарями случалась.

Как бы то ни было, но внимания на него особого не обратили.

И с чего бы?

Писарь как писарь. В шинельке серой, прескромного вида, правда, лацканы слегка лоснятся, а на локтях пузыри уже наметились.

Рубашечка форменная серовата.

Манжеты в россыпи мелких чернильных пятнышек. Но кому их разглядывать надобно? Да и сам собою человечек нехорош. Невысок, сутуловат. Горбиться имеет привычку дурную, будто лежат на плечах его заботы немалые. Потому и лицом скупен.

Весь в мыслях, в делах.

Суетлив.

Дерган.

То носом хрящеватым поведет. То ущипнет себя за щеку, будто проверяя, на месте ли она. То за губенку отвислую тронет, то за бородку дернет. А та какого-то неприятного пегого цвета, торчит козликом. Волосенки же гладенькие, прилизанные, на пробор зачесаны, только проглядывает сквозь прядки лысина. И вот глядишь на такого и не понимаешь, сколько лет ему. Впрочем, глаза у писаря яркие, любопытные, да зная эту особенность их, Димитрушка очечками обзавелся, причем вида препоганейшего – в толстой роговой оправе, с дужкою левой, кожаным шнурочком перемотанной. Очки на лице не удерживались, то сползая к кончику носа, то перекашиваясь.

Он их и поправлял.

Губами шлепал.

Норовил прижать кожаный портфельчик к боку, да тот, поганец, выскальзывал... в общем, был человек в меру обыкновенен для дворца, а потому если кому и случалось задержаться на нем взглядом, то ненадолго.

– Ходют... ходют... – ворчал Димитрушка, кляня себя за излишнюю фантазию. Нет, обличье было удачным, вон Вязельские, старинные приятели, из тех, которые только и ждут момента подходящего удавочку на шею накинуть, прошли и не заметили. Но с очками явный перебор. Тяжеленные. Неудобные. Да и стекла пусть и простые, но все одно туманят. Идешь, спотыкаешься...

Он прислонился к стеночке, пропуская юную графиню Мильтюхову, которую ныне сопровождал молоденький корнет. Из дворцовых бездельников, третий сын, кажется, а потому единственной его перспективой жизненной была удачная женитьба. Ну или карьера военная, к которой Нурский не слишком тяготел, предпочитая проводить время в кабаках. Магом он был средним, умом не отличался... как и Мильтюхова красотой. Зато у папеньки ее пара солеварен имела и небольшая смолокуренька, дававшая доход стабильный, не говоря уже о землях...

Корнет что-то говорил.

Графинюшка краснела и лепетала в ответ.

Может, в этом и замысел высший императрицын? Переженить всех? Но чего ради?

Димитрушка поспешил дальше. До обеденного времени оставалось едва ль четверть часу, ему же предстояло добраться до залы первым, занять удобное место, такое, которое и по чину, и наблюдать не мешает.

Первый удар часов заставил Лизавету подпрыгнуть.

– Ага, – сказала Авдотья, веер складывая. – Меня тоже по первости едва кондрашка нехватила... погодь, не спеша...

Она придержала Лизавету.

И вовремя.

Девушки, до того весело болтавшие, или слушавшие, или размышлявшие о своем, как-то вдруг и вострепнулись, чтобы в следующее мгновение броситься к двери.

Лизавета успела коснуться пуговички.

Это стоило запечатлеть!

Они шли, умудряясь не сбиваться на бег, выдерживать подобающее выражение лица, разве что слегка расставляли локотки, или вот ноги... не иначе, та, в бирюзовом платье, споткнулась вовсе не случайно. У самых дверей княжна Одовецкая, которая как-то вдруг оказалась первой – а ведь стояла, почитай, на другом конце залы, – посторонила.

– Прошу вас, – сказала она, уступая место Таровицкой.

– Что вы, как можно... – отозвалась последняя, и свита ее разноцветная загомонил.

– Знаю, Таровицкие всегда спешат...

– Не только они...

Пока пара препиралась, мимо с видом презадумчивым, мечтательным даже, прошествовала Снежка, а с нею и обе княжны, которым все ж надоело играть в уступки. Благо, двери оказались достаточно широки, чтобы красавицы в них не застряли.

Лизавета сощурилась.

А кадр вышел...

Да преотличнейший кадр вышел! Ах, надо бы заголовок к нему... что-нибудь простенькое: «Конкурс еще не начался, а красавицы спешат занять место...» Где?

За столом ее императорского величества?

В сердце цесаревича?

Нет, чуть позже она придумает, как сделать, чтобы звучало. Да и заметочка получится презанятнейшей... надо будет упомянуть и о делах былых, и о взаимной... приязни.

И о ставках?

Лизавета готова была побиться на весь свой недополученный гонорар, что ставки уже делали. А что, если... конечно, в этом духе статейку и написать... у нее прямо руки зазудели. Но Авдотья пихнула в бок и сказала:

– Пошли, что ли? А то сейчас закроют...

Наверное, ничем иным, кроме как удивительным совпадением, нельзя было считать факт, что Лизаветино место оказалось по правую руку Авдотьиного. И если сама Лизавета сидела, почитай, у конца стола, что явно показывало, сколь невысокое положение она занимает, то по другую сторону Авдотьи устроилась круглолицая девушка с лицом, столь густо усыпанным веснушками, что казалось оно рябеньким.

– Не мешкай. – Авдотья взялась за вилку из середины списка столовых приборов, проигнорировав прочие. – Обед длится ровно сорок пять минут. И кто не успел, останется голодным... терпеть не могу голодать...

– Хотя вам бы не помешало, – заметила веснушчатая соседка, принимая махонькую вилку для легких закусок. – У вас явно лишний вес.

– Он не лишний, – мрачно отрезала Авдотья. – Он запасной...

Подавали закуски.

И те были столь изысканны и красивы, что есть их казалось кощунством, но Лизавета осознала, сколь голодна, а еще, что действительно в царском дворце ее на кухню вряд ли пустят.

Она жевала.

Пила воду.

И наблюдала... вот веснушчатая – явно ее тятенька не слишком высокого полету птица, если досталось ей место столь дальнее, – ковыряется в тарелке, время от времени отправляя кусочки в рот. Глотала она не жуя, при том закатывала глаза, будто собираясь лишиться чувств.

Авдотья ела.

Просто ела...

Снежка сидела, прикусив кончик десертной ложки. Взгляд ее был устремлен поверх голов куда-то вдаль, и сама она больше не казалась такой уж хрупкой. Напротив, Лизавета отметила, что бледная эта красавица будет на полголовы выше соседок.

Одовецкая и Таровицкая, не иначе как специально посаженные друг напротив друга, старательно следовали «Правилам хороших манер», которые явно писались с них или для них... в общем, у Лизаветы самой, несмотря на все старания – а училась она хорошо, – не получалось с должным изяществом есть яйца. И кокотницы тут не помогали, а эти...

Смотреть на них было тошно.

И интересно.

– Князя Навойского изгнали, – шепотом произнес кто-то, и новость полетела по рядам. Девушки забывали про манеры, охали, ахали, выражали негодование, только непонятно чем: то ли царским несправедливым решением, то ли этакой неудачей.

Поди-ка вылови этакого жениха на просторах империи.

– А за что, не знаете? – Лизавета все ж обратилась к соседке, которая меланхолично ковырялась в листьях салата, политых чем-то белесым и изысканным до невозможности: с виду блюдо было красивым, но несъедобным.

– Ах, это все знают... – отмахнулась она, но все ж не удержалась: – Он к княгине Булевской приставать вздумал. А она царю пожаловалась...

– Чушь какая, – фыркнула Авдотья, берясь за куриную ножку. И вцепилась в нее зубами с немалым аппетитом. – Булевской сорок скоро... и любовников у нее трое... небось нашлось бы и для князя местечко.

– Да что вы такое говорите!

– Правду. – Пальцы Авдотьи предпочитала облизывать. И, видя удивленный взгляд соседки, лишь пожала плечами, пояснив: – У меня гувернантку татары украли... а после еще из пансиона выгнали.

– Оно и видно. – Веснушчатая потеряла всякий интерес.

Авдотья же задумалась, правда, жевать не прекратив. И вот интересно, ее кузина сидела куда ближе к высокому столу, тогда как саму Авдотью устроили едва не у дверей... с чего бы?

– Нет, быть того не может, – сказала Авдотья, все ж подбирая салфетку с монограммой. – Уж точно не из-за княгини... царь не дурак, чтобы из-за какой-то потаскухи верного человека лишаться... тут другое... да и князь... он кого помоложе выбрал бы...

– Можно подумать, ты знаешь... – не утерпела соседка.

– Знаю. Он к папеньке частенько заглядывал...

– Да? – Авдотье определенно не верили. Соседка ткнула вилкой в листик и поинтересовалась: – Чего ж тогда он не сговорился? Или... папенькиных денег не хватило, чтобы тебя кто замуж взял?

Авдотья покраснела.

А потом тихо ответила:

– Я не хочу, чтоб меня за приплату брали... а князь... мы с ним не уживемся. Характер у меня поганный, прямой... я этого, чтоб с переподвыпердом, не больно люблю... а он иначе не умеет.

Гостомысл Вышнята за прошедшие годы прибавил весу изрядно и обзавелся окладистой густой бородой, которую расчесывал надвое, каждую половинку скрепляя кольцом. Смуглокожий, с лысиной обширной, украшенной пятеркой старых шрамов, он гляделся диковато и даже, по мнению многих придворных дам, откровенно жутко. Он, некогда славившийся своей неприхотливостью, ныне вырядился в шелка и бархат. Особенно смущала придворных крупная бледно-розовая жемчужина, вдетая в хрящеватое ухо.

И пряжки с топазами.

– Здравствуйте, матушка... – Вышнята глядел на императрицу, подслеповато щурясь. И было видно, что неуютно ему в этой полутемной комнатушке, более годной для слуг, нежели для особ высокого звания. Что с того, что стены малахитом выложены, а бюро и вовсе драгоценными камнями инкрустировано.

Тесно же.

Душно.

– Бросьте, князь... какая я вам матушка. – Золотая змеиная коса соскользнула на пол. И императрица подала руку тому, кто некогда клялся свернуть ей шею.

Пожалуй, скажи это кто другой, не сносить бы ему головы. Однако корона была многим обязана Гостомыслу, и потому отделался он строгим выговором, а дальше...

– Что было, того не исправишь. – Князь крикнул и рученьку принял, осторожно, двумя пальчиками. – Уж простите... дурак был... и не за себя болел. За сестру... у вас сестры есть?

Императрица кивнула.

Есть.

Велико царство Полозово, каждой из дочерей его работа сыщется. Кому малахитовые жилы вести-плести, выплетая каменные узоры Ульских гор. Кому сапфиры сторожить, охраняя слезы драгоценные, пролитые возлюбленную супругой Великого, от жадных человеческих рук.

Кому родник с водой Живою беречь.

Кому – Мертвую ведать...

– Тогда вы понимаете...

Не очень. Никогда не было особой любви промеж сестрами. Да, помогали, ибо положено так и правильно, ведь миром единым сильны и живы, но...

Мир и любовь – разное.

Теперь она это знала.

– Одна она у меня... была... и любила... я думал, что любит, вбил себе в голову, что только с ним счастливою станет... Мне не корона нужна была. От короны небось одни заботы. – Ручку князь отпустил и на стульчик присел. – А она сбежала... с одним... оказывается, давненько ее обхаживал, да и она к нему... только ж у него что? Ничегошеньки, вот и боялась сказать. Да и правильно боялась. Я бы не понял. Тогда.

– А теперь?

– Любовь лечит. И калечит. – Он дернул за бороду. – Свяги среди людей долго не живут... и она ушла... держалась, сколько могла, а все равно позвала зима, и на крыло встала. Обещала вернуться, да... верно, осыпалась где-то дождем, чужими слезами омылась и память утратила... если и вернулась, то не ко мне.

Лицо его скривилось, будто князь вот-вот разрыдается.

– Она предупреждала, а я, дурень, не верил... мнилось, моей-то любви на обоих хватит... и хватало... десять лет душа в душу... вот и решил, будто всегда так будет. Не запер окно по первому снегу...

– И она ушла. – Императрице случалось видеть свяжких дев.

Лебединое перелетное племя.

Это люди про них придумали, будто вернее птицы нет. Лебеди... лебеди – это лебеди, а вот свяги живут от снега до снега. И стоит осени одеться первой белой шубой, как встают они на крыло, уходят к морю-матери, чтобы разбиться о скалы, стать пеной морскою, а из нее по весне родиться в новом теле.

И с новой памятью.

На то у них свои причины имеются, но князя стало жаль.

– Ушла... Снежка вот осталась... только... боюсь я, как бы не позвали ее...

– Не позовут. – Тут императрица могла успокоить человека. – Верней, не услышит. Кровь горячее зимней воды, а потому она куда больше человек, чем...

– Царевич?

– Да. – Она склонила голову набок. – Зачем же ты пришел, княже?

– Просить. – Он усмехнулся и, сползши со стула, тяжело опустился на колено. – Время мое выходит, а она... она такая... неприспособленная... я ее пытался учить, только... и сестрица моя не лучше... она мужа любит, а потому не видит, до чего он слабый. Не сумеет земли мои удержать.

– Не рано ли ты...

– Не рано, – перебил Вышнята, положив руки на живот. – Тут она сидит, зараза... грызет нутро... пью зелья, только с них мало толку... у Гориславы сынок толковый, нашей крови, но ему всего пятнадцать годочков, и против батюкиного слова он не пойдет. А тому... у меня веры нет. Возьмешь ли ты моих под свое крыло?

– Крыльев у меня нет. – Императрица поднялась и сняла со столика шкатулку, раскрыла. – А вот коль объятья змеиные...

– Знаешь, я успел одно понять... вы, нелюди, иные... не хуже, не лучше, просто иные... и порой обыкновенному человеку вас тяжело понять, только... вы не лжете. Почему?

– Не умеем... не умела. С вами вот научилась, да и то...

Лукавство и ложь – разные вещи, это императрица поняла, а ответить, что там, в Полозовом царстве, все и вправду иначе? Что земля не умеет лгать, а камню обман и вовсе без надобности, что рожденные силой этой сами похожи на землю и камень, что...

– Возьми. – Она протянула гребень. – Я не оставляю твоих родных, но и ты не спеши уходить... сослужи службу.

– Какую?

– Расчеши мне волосы... видишь, запутались.

Глава 12

Димитрий шел, держась стеночки, стараясь вовсе с нею сродниться. Время от времени он останавливался, напряженно вслушиваясь в происходящее вокруг. И вид у него тогда делался совершенно несчастным. Длинный нос дергался, рот кривился, и создавалось впечатление, что ничтожный этот человечешка того и гляди расплачется.

Впрочем, впечатление было обманчивым. Плакать Димитрий разучился давно, да и ныне поводов не было. Напротив, игра неожиданно увлекла.

Легкий полог, рассеивающий внимание, и человечек почти исчезает.

А что еще надобно?

– Ах, папенька, это все так унизительно. – Княжна Таровицкая шла неспешным шагом, опираясь на руку папеньки. – Не понимаю, почему я должна здесь быть?

– Мы это уже обсуждали.

– И все равно твой план выглядит глупостью невероятной. Одовецкие нас ненавидят... – Она задержалась у зеркала, поправляя и без того идеальную прическу. – Она мне не нравится. Я ей, к слову, тоже...

– И это следует изменить.

– Зачем?!

Действительно, Димитрий мысленно присоединился к вопросу. Подмывало подойти ближе, но... полог пологом, а чутье у Дубыни Таровицкого преотменнейшее, не даром что боевой маг и охотник великолепнейший. Нет, если заподозрит, что подслушивают...

Тот же вздохнул, развернул дочь к себе и тихо произнес:

– Нам давно следовало бы помириться... когда-то я повел себя неправильно, и мне старая княгиня точно не поверит, как и твоему деду... а вот ты... ты – дело другое.

Княжна наморщила носик.

– Мы соседи. И от этого деваться некуда... – проговорил Дубыня.

– И поэтому ты по-соседски прибрал ее земли к рукам?

– Лика!

– А разве не так? Папенька, я тебя люблю... и деда уважаю, но вы хотите невозможного! Я могу улыбаться, могу играть в прелестницу... могу... не знаю, хоть на голову встать, но это ничего не изменит! Насколько я успела понять, княгиня настроена весьма решительно... и меня это пугает.

Произнесено сие было тихо, но Димитрий все же решился сплести махонькое заклятыице. Будучи слабым, неприметным, оно не должно было потревожить Таровицких, а вот беседа эта оказалась преувлекательнейшей.

– Она целительница.

– И что? Нет, я не думаю, что она решится на убийство... во всяком случае, если правду говорят и княгиня справедлива, то ко мне у нее претензий не будет. А вот тебе и деду стоит быть осторожней... и вообще, не понимаю!

– Чего?

– Ничего. Что тогда произошло? Не отворачивайся, я слышала, как ты с маменькой разговаривал.

– Что слышала? – Дубыня напрягся.

– Не все. К сожалению. – Княжна Таровицкая сбросила маску прелестной девицы, голова которой забита исключительно шелками, кружевами и перламутровыми пуговичками, – но достаточно, чтобы понять. Ты сжег то поместье...

– Молчи.

А вот это уже на признание тянет, правда, слабоватое. Одного свидетельства Дмитрия будет недостаточно, княжна перед судом от слов своих отречется, сыграет капризную девицу, которая сплетни папеньке пересказывала. Дубыня же...

– Папа... это такая тайна, которая и не тайна совсем... думаешь, дома об этом не шептались? Или вот здесь... да тут, почитай, все уверены, что ты или отправил Одовецких в Царство Божие, или просто ситуацией воспользоваться сумел...

Дубыня наливался краской.

Губы побелели. Черты лица заострились.

– Успокойся. – Солнцелика погладила отца по плечу. – Я... не то чтобы не верю, что ты не мог этого сделать. Просто... мне хотелось бы знать: почему? И не только мне... объяснись с княгиней. Может, она поймет...

– Не поверит. – Дубыня дернул рубашку, и махонькие пуговицы поскакали по полу. – Если б все так просто было...

– Тогда земли верни.

– И что она с ними делать станет? Одовецкая целительница, каких свет не видывал. – Он потер грудь и тяжело прислонился к стене. – Но хозяйка из нее преотвратнейшая – ты бы видела, что там творилось. Я просто порядок... навел... и деньги... я ж ни грошика... себе...

А ему и вправду дурно.

Вот ведь... про то, что у старика Таровицкого с сердцем худо, Дмитрий знал, как и то, что старик оный давно уж удалился в семейное имение, которое если и покидал, то ненадолго и недалеко. А выходит, не он один с сердцем мается.

Надо будет намекнуть целителям, пускай глянут.

– Присядь... пойдём... тут недалеко... вот сюда. Матушке отпишусь, пусть приедет и на тебя наругается... затеял игры. – Княжна Таровицкая ворчала, но незло, напротив, в словах ее виделось искреннее беспокойство за батюшку. – Не так ты и молод...

– И не стар.

Не стар, Дмитрий согласился. Еще как не стар... сколько ему? Пять десятков разменял... разве ж для мага возраст? А выглядит – в гроб краше кладут. И главное, сел-то прямо на пол, не чинясь, благо коридорчик этот пустоват, если не сказать – заброшен. Ведет он к бельевым, а в них князьям делать нечего.

– Так покажись ей! – Княжна топнула ножкой. – Ты же сам себя мучаешь...

– Иди...

– Не пойду.

– Выпорю.

– Ах, папенька, поздно уже... на вот, выпей... и я с тобой побуду. Не спорь. Чего мне тут еще делать? В саду гулять?

– А хоть бы и в саду...

– Я его уже весь обгуляла... сил нет... с этими курицами... сядут и только обсуждают, кто на кого посмотрел, с кем можно водиться, а кого игнорировать надо... кто игрок, кто младший сын. Противно.

– И что, никто не глянулся? – с насмешкой поинтересовался князь. Почудилось, что рад он был сменить пренеудобную тему.

– Да на кого тут глядеть! Подошел один... мол, ваши губы как розы... щеки – мимозы, – передразнила Солнцелика неизвестного кавалера. – Дайте ручку, пройдемся до кустов.

– До каких кустов? – А вот теперь Дубыня помрачнел, и Дмитрий от души посочувствовал тому бестолковому кавалеру, которому вздумалось досаждать Таровицкой излишним вниманием. Впрочем, княжна отмахнулась и сказала:

– Это я так, для примера... хотя у них всех в глазах или деньги, или кусты... или и то и другое.

– А подружки...

– Какие подружки, папа? Ты что... тут только спят и видят, как бы гадость сделать... это же конкурс... небось если бы не боялись, что за руку поймают, давно бы толченым стеклом накормили.

– Лика!

– Я правду говорю, – вздохнула княжна и, воровато оглядевшись по сторонам – Дмитрия она не заметила, то ли магом была слабым, то ли умения не доставало, – тихо добавила: – Там же только и сплетничают друг про дружку, кто толст, кто худ чрезмерно... кто воспитан дурно. Каждая спит и видит себя красавицей.

– А тебя?

– И меня... поэтому и страшно. – Она обхватила себя руками. – Понимаешь... что-то там неладно, а что – не пойму... и пытаюсь же, а все одно не пойму... Кульжицкая... старшенькая, такая темненькая, с кудельками, знаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.